

РАМЗАН  
САМАТОВ

ТУТ  
ВОЙНА



Рамзан Саматов

**Путь Воина**

«Издательские решения»

**Саматов Р.**

Путь Воина / Р. Саматов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939876-5

Военно-приключенческий роман «Путь Воина» перенесёт читателя во времена Великой Отечественной войны. В книге отражены становление и боевой путь фронтового разведчика Виктора Кошелева, начиная с курсантской поры, участия в боях за Крым, спецоперациях на Балканах и Прибалтике и заканчивая учёбой в разведшколе. Увлекательная сюжетная линия основана не только на подлинных исторических событиях, но и на реальных биографических фактах фронтовиков.

ISBN 978-5-44-939876-5

© Саматов Р.

© Издательские решения

## Содержание

Пролог	6
Глава 1. Штрафник	8
Глава 2. Лейтенант	12
Глава 3. Разведрота	17
Глава 4. Перекопский вал	21
Глава 5. Ожидание	25
Глава 6. Поединок	29
Глава 7. Разведвыход	33
Глава 8. Ужин отдай врагу	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

# Путь Воина

## Рамзан Саматов

*Посвящаю настоящему фронтовику  
Великой Отечественной войны  
Максиму Андреевичу Анисимову —  
человеку удивительной судьбы,  
в благодарность за его подробные воспоминания*

*Редактор* Галина Зайнуллина

*Корректор* Сергей Ким

© Рамзан Саматов, 2022

ISBN 978-5-4493-9876-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Пролог

«Трус. Патологический трус. А ещё командир называется!» – Виктор презрительно сплюнул в сторону командира взвода, который лежал на самом дне воронки и при каждом звуке взрыва испуганно жался к земле, прикрыв голову ладонями. Между тем бомбы уже несколько минут как рвались на таком отдалении, что осколки даже при большом желании не смогли бы долететь до них. Виктор перевернулся на спину и, заложив руки за голову, стал смотреть в небо. Тем более что подать команду «отбой воздушной тревоги» некому. Так что трус ещё не скоро очухается.

Это небо лета сорок третьего года ничем не отличается от неба других дней, за исключением того, что несколько минут назад с него на головы курсантского батальона сыпались смертоносные бомбы. А теперь такое чистое безоблачное голубое небо, будто и нет войны. На Викторе вовсе не пропахшая потом и гарью курсантская гимнастёрка, а его любимая, в голубую полоску, рубашка с засученными рукавами, на ногах – лёгкие парусиновые туфли. Лежит он сейчас на пляже у водной станции «Динамо». Кругом тишина, только слышны отдалённые звуки машин, гудки, разговоры людей. Вон кто-то, кажется, зовёт его...

– Кошелев! Ты чего разлётся, как на пляже?

Чёрт! Это, оказывается, лейтенант зовёт со дна воронки.

– Самолёты улетели?

– Давно! А вы не заметили, товарищ лейтенант? – спросил насмешливо Виктор.

– Да тут... Это... Меня землёй присыпало...

Лейтенант встал и начал отряхивать гимнастёрку.

Постепенно к нему возвращались присущие ему надменность и позёрство. Он поправил португеею, похлопал по кобуре с пистолетом, снял и снова надел фуражку.

– Товарищ курсант! Встать! Подайте команду взводу – отбой воздушной тревоги! Строиться у дороги! Командирам отделений проверить личный состав и доложить о потерях! – приказал лейтенант визгливым голосом. – У меня голоса нет. Пыль забила.

«Совесть у тебя забила, а не пыль», – подумал Виктор. Он поднялся к краю большой рваной воронки, куда они прыгнули с лейтенантом во время бомбёжки, и зычным голосом повторил команду. Под внезапную бомбёжку они со взводом попали, когда возвращались с подмосковного полигона. Скоро предстоят выпускные экзамены, и наконец-то на фронт...

Но, похоже, нескольким курсантам это уже не грозит. По докладам получается, что для четверых война уже закончилась. Одного из них даже не смогли найти, только по разорванному курсантскому планшету и опознали – прямое попадание. Трое с тяжёлыми ранениями, один контуженый и десять легкораненых. Подай лейтенант команду своевременно, удалось бы избежать таких потерь. Вместо этого он первым прыгнул на дно воронки и лежал там, всхлипывая с причитаниями. Правда, видел это только курсант Кошелев. После возвращения в расположение училища командир взвода, помня о своём позорном поведении во время бомбёжки, стал придирается к Виктору. Регулярно делал замечания то за опоздание в строй, то за «неправильно» заправленную кровать, то за расстёгнутый воротник, то за успеваемость... Всячески пытался найти повод для наказания.

Вскоре произошёл инцидент, сильно повлиявший на дальнейшую судьбу Кошелева. После занятий, практически – подготовки к выпускным экзаменам, Виктор зашёл в медпункт. Во время той злополучной бомбёжки он повредил голень правой ноги. Получил небольшую царапину, которая нехоти загноилась. Хотел, чтобы медсестричка посмотрела и сделала перевязку. Знать не знал, что на эту медсестру имел виды командир взвода. Видимо, на то самое время у него было назначено свидание. Кошелев только вышел из медпункта, как лейтенант буквально набросился на него – подскочил, сверля глазами.

– Ты что здесь делаешь, курсант? Почему не в казарме?

– Я на перевязку приходил, товарищ лейтенант.

– Кто разрешил покинуть расположение? Знаю я ваши перевязки! К Валечке решил подкатить, да?

Лейтенант схватил курсанта за грудки и прижал к стене, дыша перегаром. От возмущения Виктор с силой оттолкнул командира. Тот, зацепившись каблуком за кочку, полетел кубарем в траву.

– Что-о?! На командира руку поднял? Да я тебя под трибунал! Я тебя сгною! – некрасиво визжал лейтенант, пытаясь подняться.

## Глава 1. Штрафник

Виктор ехал в теплушке вместе с такими же штрафниками на фронт, вновь и вновь прокручивая в голове сложившуюся ситуацию. Он пригорюнился, но духом не пал. Где наша не пропадала! В теплушке кроме него было ещё человек двадцать пять. Сопровождал их старший лейтенант с тремя красноармейцами. Перед посадкой предупредил, что в случае побега – расстрел. После этого больше не показывался всю дорогу. Лишь однажды вмешался, когда к Виктору привязались двое из числа уголовников за место на нарах.

– Брысь отсюда, воин! Мы тут будем ехать с корешами. Тебе вон на третьем ярусе место освободили.

– С чего это вдруг? Мне и самому нравится это место. Тем более уже сутки еду...

– Нам нужен этот угол. Сейчас ещё один кент подтянется. Займёт твоё место. Давай, давай! Собирай манатки!

Видимо, уголовники решили обособиться в этом углу или что-то затевали. Но Виктор был не робкого десятка. Увидев, какой оборот принимает дело, даже не вставая с нар, врезал ногой в грудь склонившегося над ним наглеца. Тот улетел на нижние нары в противоположном углу. Второй выхватил из рукава нож, но был перехвачен штрафником со второго яруса. Он крепко схватил уголовника за запястье, не давая пошевелиться. Затем аккуратно забрал нож.

– Не балуй! – добродушно сказал он. Это был крепкий, деревенского вида мужик. Не сказав больше ни слова, отвернулся и снова засопел.

– Ну, ты не жилец, воин! – пригрозил Виктору уголовник, оставшийся без ножа. – Мы с тобой ещё посчитаемся.

Потом повернулся к мужику и прорычал:

– Эй ты, фраер! Отдай перо!

Штрафник даже не повернулся – вот железные нервы! Лишь буркнул:

– Отдам, как доедем до места...

Об этом происшествии узнал старлей. Видимо, был тёртый калач. Он не стал устраивать разборки, а просто позвал к себе главного среди уголовников.

– Так, Шустрый, назначаю тебя охранником Кошелева. На всём пути следования эшелона. Если с ним что-нибудь случится, то первым шлёпну тебя, а затем остальных твоих корешей за попытку к бегству. Все присутствующие здесь это подтвердят! Так что забудьте уголовные замашки и приготовьтесь искупить свою вину кровью на поле боя! Понятно я изъясняюсь?

– Понял, гражданин начальник!

После этого разговора уголовники больше не приставали к Виктору, и штрафники благополучно продолжили путь. Он всю дорогу отсыпался, радуясь, что ситуация с командиром взвода обернулась таким образом. Беседа с «особистом» вышла жёсткая. Налицо нападение на командира. От трибунала может спасти только чудо. На его счастье, начальник училища, учитывая отличные характеристики и успехи в учебе, своим приказом направил его в штрафную роту. На фронт. Пусть в качестве рядового красноармейца, зато воевать.

На станции их встретила группа военных. Старший среди них был капитан – высокого роста, сухощавый, с жилистыми загорелыми руками и обветренным лицом. В нём чувствовалась большая физическая сила. Он имел привычку разминать, потирая, левую кисть, одна щека произвольно дергалась во время разговора – последствия ранения и контузии. Голос звучал сильно – видимо, надорвал голосовые связки от постоянного крика на поле боя.

– Товарищи бойцы! Вы прибыли во вверенную мне отдельную штрафную роту в качестве пополнения. Нам предстоит совместно идти в бой. Мы – отдельная боевая единица для выполнения особых заданий командования. Имейте в виду, что моя рука не дрогнет, если кто струсит в бою. И пули в спину я не боюсь. Есть кому прикрыть. Так что хотите вы или нет,

но судьба распорядилась воевать вместе. Я ваш командир, потому для вас теперь бог, царь, пахан и мамка родная в одном лице. Вопросы есть?

– Когда кормить будут, гражданин начальник? – выкрикнул кто-то из прибывших.

– Во-первых, здесь нет «гражданина начальника». Обращаться ко мне «товарищ капитан». Есть постоянный состав роты – это ваши командиры, а есть переменный состав – то есть вы, товарищи бойцы! Во-вторых, после прибытия в расположение роты вас отведут на помывку, проверят на наличие вшей, выдадут обмундирование. А затем будет готов ужин – покормят. Ещё вопросы?

На фронте было некоторое затишье, и поэтому Виктор вместе со своим новыми боевыми товарищами целую неделю просидел в окопах, прежде чем отправили в первый бой. Ему здесь даже понравилось. Командир – отличный мужик, зря не орёт, не придирается. Полевая кухня кормит лучше, чем в училище.

Свой первый бой Виктор запомнил на всю жизнь. Роте предстояло взять безымянную высоту на пути продвижения полка. Эту высоту подразделения пехотного полка штурмовали дважды, но результат был плачевный. Так что у штрафной роты имелось мало шансов взять укрепленную высоту. Тем не менее задача поставлена – надо выполнять. Командир роты построил всех перед боем и сказал:

– Товарищи красноармейцы! Поставленную командованием задачу о взятии высоты необходимо выполнить! Некоторые из вас идут в бой впервые. И поэтому главное для вас – делать, как я, не отставать, не трусить. Бегу я – бежите и вы; упал – падаете, но ползёте вперёд. Скоро начнётся артподготовка. С её началом мы должны как можно ближе придвинуться к окопам. После прекращения огня артиллерии по моей команде все поднимаются и бегут! Вперёд, а не назад! Кроме пушек, другой поддержки у нас не будет!

Стало немного грустно от этих слов не только Виктору, но и бывалым воякам – по глазам виделось. Штурмовать хорошо укрепленную высоту без поддержки танков та ещё задача. Но это по учебникам, а реальная боевая обстановка предлагает совершенно иные решения.

Началась артиллерийская канонада. Виктор вместе с бойцами роты пробежал некоторое расстояние, закрытое от противника, затем упал и пополз. Чем ближе подползал, тем страшнее становилось: а вдруг артиллеристы ошибутся и накроют своих же?! Но, увидев, что вместе с ними в метрах десяти уверенно ползёт командир роты с решительным лицом, Кошелев немного успокоился. До окопов оставалось около ста метров. Немцы их пока не видят – сидят в укрытиях. Снаряды рвутся со страшной силой. Дальше уже нельзя ползти. Капитан перевернулся на спину и выпустил красную ракету. Артиллерия перенесла свой огонь вглубь обороны противника.

– Рота! За мно-ой! В атаку! Вперё-о-од! – закричал командир роты.

– Урра-а-а! – заорали все, и Виктор вместе с ними.

Они бежали в сторону врага, не чувствуя ног под собой, хрипя, задыхаясь в крике. Виктор, оглянувшись назад, увидел на лицах бойцов звериный оскал, какую-то безрассудную решительность и... споткнулся. Его кто-то дёрнул за шиворот сильной рукой, приподнимая, и крикнул в ухо:

– Не оглядывайся! Вперёд!

Немцы уже «проснулись», но Виктор вместе с капитаном, а это он помог ему, уже ворвались в окопы. Было слышно, как с фланга ударила немецкая «пила» – ручной пулемёт MG-42, но захлебнулся одновременно со взрывом гранаты. Виктор тоже кинул лимонку за изгиб окопа, затем вторую, не давая высунуться немцам. Потом побежал вдоль траншеи. За поворотом заметил, что гитлеровец пытается снять ручной пулемёт с бруствера. Виктор, не прицеливаясь, выстрелил из винтовки, попав тому прямо в лицо. Побежал по окопу мимо убитого, но навстречу выскочил второй немец – он с ходу проткнул его штыком, хотел бежать дальше, но... застрял. В буквальном смысле – не смог выдернуть штык из тела убитого. Потом ему

бывалые солдаты объяснят, что нужно делать выпад расчётливо, нельзя колоть штыком на всю длину, иначе застрянет. Но это придёт с навыком, если жив останешься. Виктор оставил на время свою винтовку, вернулся за лежащим на бруствере пулемётом, закинул ремень на шею и снова нырнул за следующий поворот. Едва увидел группу немецких солдат – оружие в руке задёргалось, изрыгая смертоносные выстрелы. Готовы! Ещё одна перебежка, и два противника отправлены к праотцам. За блиндажом находились уже наши бойцы. Немцев выбили с занимаемых позиций, высота была взята.

– Командирам взводов проверить личный состав! – прозвучал сильный голос командира роты.

– Командирам взводов проверить личный состав! – понеслась команда по цепочке вдоль траншеи.

– Командирам отделений... – раздалось там и сям в отдалении.

В результате жестокого боя рота из ста двух человек потеряла половину убитыми и ранеными. Но немцы успели очухаться и готовились идти в атаку с целью вернуть утерянную высоту. А подкрепления для штрафников так и не было. Некоторые легкораненые приняли решение остаться на высоте, а не уходить в тыл.

Командир роты подошёл к Виктору и спросил:

– Как ваша фамилия, боец?

– Красноармеец Кошелев!

– Благодарю за умелые действия, Кошелев! Молодец! Вы расчистили целый сектор, чем помогли роте избежать ненужных потерь. Представлю вас к награде после боя! А теперь надо занять оборону до прибытия подкрепления. Вы хорошо знаете трофейное оружие, – видел, как им управляетесь. Предлагаю переместиться на правый фланг и обустроить там пулемётное гнездо. Помощника я вам выделю.

Тем временем гитлеровцы пошли в атаку. Кошелев открыл огонь по указанному командиром сектору. Он уверенно вёл стрельбу из пулемёта, который был ему знаком по училищу –годились полученные знания. Первую атаку им удалось отбить довольно удачно, потерь не было. А фашисты, оставив на поле боя множество убитых, откатились назад. Кошелев заменил перегретый ствол немецкого оружия. Сменные стволы он обнаружил недалеко в металлическом футляре. Пулемёт MG-42 был принят на вооружение вермахта, войск СС и Люфтваффе взамен устаревшего MG-34. Характерными особенностями пулемёта были высокая скорострельность, простота обслуживания, но меньший срок службы. А потому к нему прилагались сменные стволы: он быстро перегревался, поэтому их нужно было менять через каждые 150 выстрелов, а это примерно три ленты.

Вторым в расчёт пулемёта капитан приставил одного из уголовников – того, кто в теплушке бросался с ножом на Виктора. Но об этом капитан не знал, а Кошелеву сейчас было не до разборок. Да и этот малый оказался не таким уж плохим – было больше форсу тогда, перед корешами, чем реальных угроз и опасности от него. Во время боя Василий, так он представился, резво подавал ленту, следил, чтобы не захлестнулась, помогал менять стволы.

Следующая атака гитлеровцев началась классически: сначала был обстрел позиций роты из миномётов, а затем атака – волна за волной. Виктор вёл стрельбу практически безостановочно. Секунд десять-пятнадцать занимала замена ствола, пару-тройку секунд – замена ленты. Боеприпасов от немцев осталось предостаточно, тем не менее стрельбу вёл короткими очередями, стараясь отсекал наиболее опасные группы атакующих. Надо экономить – кто знает, сколько ещё придётся... Неожиданно Виктор почувствовал сильный удар в плечо, который отбросил его на противоположную стенку траншеи, и сполз на дно окопа на слабеющих ногах, потеряв сознание.

Очнувшись он уже в медсанбате, куда его вынесли с поля боя санитары и Василий. Высоту штрафникам пришлось оставить, поэтому обещанную капитаном награду Кошелев не получил.

Ранение оказалось достаточно серьёзным. Пуля попала в верхнюю треть плеча, слегка задела кость, вызвав большую кровопотерю. Из медсанбата Виктора направили в тыловой госпиталь, там хирурги подлатали ему руку, да так хорошо, что через полтора месяца он докладывал командиру роты о своём прибытии для дальнейшего прохождения службы. Капитан искренне обрадовался встрече. Сообщил, что представление о его реабилитации в связи с ранением рассмотрено. Со дня на день ждёт приказа. Так что теперь боец Кошелев чист перед законом.

– Виктор, пока вы отсутствовали, я изучил ваше личное дело. Практически готовый офицер. Предлагаю перейти в постоянный состав роты. Готов назначить временно исполняющим обязанности командира взвода. Скоро придёт пополнение, надо их быстрее ставить в строй. А офицерское звание получите позже. Ходатайство я подготовлю после пары боёв.

Между тем Виктор уже успел обдумать, что будет делать после реабилитации. Благо времени на размышления было много, пока валялся в госпитале. В том, что подлежит реабилитации после ранения, он не сомневался. С одной стороны, Виктор уже привык к этой роте: и командир отличный, и ребята хорошие, и сдружился с некоторыми бойцами. Василий чуть ли не каждый день прибегал, пока Виктор лежал в медсанбате. С другой стороны, ему хотелось вернуться в училище, сдать экзамены, получить офицерское звание. Зря, что ли, учился?! А то, что предлагает капитан, – заманчиво, но вряд ли осуществимо. После пары боев... В них ещё надо выжить.

– Спасибо, товарищ капитан, за доверие! Но я, пожалуй, вернусь в училище, завершу обучение. Будучи в госпитале, я писал начальнику училища с просьбой принять меня обратно. Пришёл положительный ответ, – сказал Виктор.

– Что ж, воля ваша! Я не в обиде! Только жаль терять такого бойца, – посетовал капитан, крепко пожимая руку Кошелева. – Желаю успехов! Боевых успехов, до победного конца войны!

## Глава 2. Лейтенант

Виктор остановился перед воротами родного училища, опустил к ногам вещмешок, снял пилотку и вытер пот со лба. Устал немного – пришлось пешком идти со станции, да и солнце печёт, несмотря на сентябрь. Бабье лето в разгаре, словно нет войны. Кругом тишина. Лишь слышно, как потрескивают стволы вековых сосен на лёгком ветру. Из КПП вышел дежурный и вопросительно уставился на бойца в гимнастёрке с жёлтой нашивкой о тяжёлом ранении.

– Тебе чего?

– Да я свой. Учился тут раньше...

– Что-то не похож на своего, – недоверчиво сказал дежурный. – Тот, кто учился здесь, как минимум – лейтенант.

– Я и буду лейтенантом! Непременно. Приехал сдать экзамены. Вот мои документы.

– Так экзамены давно закончились. Сейчас уже другой набор учится. А где ты был?

– Долго рассказывать. Пропусти.

Кошелев прошёл через КПП на территорию училища и направился в сторону штаба. Дорога проходила мимо того злополучного места – медпункта. А вот и Валя, легка на помине. Это ведь из-за неё вышел конфликт с командиром взвода, в результате чего он угодил в штрафную роту. Виктор невольно потёр место ранения. Рана периодически давала о себе знать, хотя давно уже зажила.

– Салют, боец! – сказала медсестра. – Что-то мне лицо твоё знакомо. Ты из взвода обеспечения?

– Привет, Валя!

– Что болит? За плечо держишься.

– Ничего не болит, – буркнул Виктор и прошёл дальше не оглядываясь.

Медсестра хмыкнула и, пожав плечами, ушла к себе, на ходу поправляя прядь, выпавшую из-под берета. В штабе ему сразу встретился начальник учебного отдела училища. Он хорошо помнил Кошелева, одного из лучших курсантов.

– Ну, проходи, проходи! Смотри-ка ты – повоевал всего ничего, а как возмужал! Ранение тяжёлое, смотрю, нашивка... Аха, аха... Хорошо... Давай рассказывай! – вертел его начальник учебного отдела.

– А что рассказывать, товарищ подполковник?! Как у всех... Воевал, получил ранение, повезло, что не погиб – реабилитировали. Вот, теперь получил разрешение сдать экзамены.

– Ну да... Ну да... Давай свои документы. Конечно, ты пропустил немного, но зато с боевым опытом. И знания за эти месяцы, надеюсь, не растерял?! – сказал подполковник. – Вот тебе пропуск, отдашь его коменданту. Разместишься в казарме второй роты. На подготовку тебе неделя. Пройдись по учебникам, зайди к преподавателям. Они предупреждены, помогут с подготовкой. Через неделю будет работать экзаменационная комиссия.

– Спасибо, товарищ подполковник!

– Давай, удачи, Кошелев!

– Разрешите идти?

– Идите!

Виктор повернулся через левое плечо и зашагал к двери, чеканя шаг. Когда он уже схватился за ручку двери, подполковник снова окликнул его.

– Кстати, – сказал он, – твой обидчик, лейтенант Семёнов, тоже отправлен на фронт. Несмотря на наличие высоких покровителей, начальник училища был неумолим – после очередной выходки отправлен на передовую в качестве командира взвода.

– После какой выходки? – спросил удивлённо Виктор.

– Приставал к нашей медсестре. В пьяном виде устроил скандал у всех на виду.

– Так вроде она и сама была не прочь с ним...

– Младший сержант Шишкинская утверждает обратное. Заявила, что лейтенант ей проходу не даёт. Домогается. Мешает службе. В общем, дошло до того, что лейтенант разбил окно в медпункте, когда она его не пустила. Пытался залезть к ней, но был задержан комендантом училища, который прибежал с патрулём на крики о помощи. Лейтенант, пользуясь покровительством высоких чинов в Москве, пытался обвинить её во всех грехах. Но вмешательство начальника училища и начальника особого отдела дали иной ход делу.

– А ведь мой конфликт тоже из-за неё вышел, – сказал Виктор.

– Да, знаю, – вздохнул подполковник. – Нехорошо получилось тогда с тобой. Начальник училища лично ходатайствовал, чтобы замять дело. Статья ведь расстрельная была – нападение на командира в военное время. Пришлось сделать ход конём, так сказать, и отправить тебя в штрафную роту, не доводя дело до трибунала.

Он встал из-за стола, закрыл форточку окна, хотел ещё что-то сказать, но передумал и махнул рукой.

– Ладно, Виктор, иди!

Кошелев вышел из штаба навстречу осеннему солнцу. Он постоял немного на крыльце, подставив лицо тёплым лучам, затем закинул вещмешок на плечо и зашагал к коменданту.

Неделя интенсивных занятий прошла недаром – экзаменационная комиссия была довольна результатами подготовки Кошелева. Особое удовлетворение получил преподаватель тактики, он же член экзаменационной комиссии, подполковник Зарайский. Он долго гонял курсанта по вопросам организации боя в различных ситуациях – в лесу, в городе, в горах, в обороне и наступлении. Исключительно полным был ответ курсанта по особенностям наступления на позиции, расположенные на различных высотах. Личный, и пока единственный, опыт Кошелева по наступлению на высоту и её обороне дал возможность развернуть ответ во всей красе. А разделы «Наставления по стрелковому делу» Кошелев щёлкал как орехи. Не только вопросы устройства и технические характеристики основных видов вооружения, но и вопросы баллистики, пристрелки, приведения к нормальному бою выдавал экзаменаторам по памяти. Учитывая его хорошие знания, в том числе прекрасное владение немецким языком и отличную память, комиссия пришла к выводу рекомендовать выпускника в войсковую разведку. Начальник училища лично вручил ему лейтенантские погоны. Привлёк к себе, обнял по-отечески:

– Удачи тебе, лейтенант!

– Спасибо, товарищ полковник!

Перед отъездом из училища Кошелев решил заглянуть к Вале в медпункт. Некрасиво он поступил при последней встрече с девушкой. Была тогда затаённая обида на неё: казалось, что из-за этой девчонки он безвинно попал в штрафную роту. Сейчас, когда Виктор узнал всю подоплёку происходивших вокруг неё событий, решил извиниться.

– А-а-а, это опять ты, боец, – сказала медсестра, когда Кошелев постучался к ней, и тут же поправилась: – Ой! Простите, товарищ лейтенант – не сразу заметила погоны!

– Ничего, – улыбнулся Кошелев, невольно залюбовавшись ладной, стройной фигурой девушки в белом халате. – Вот, убываю снова на фронт. Зашёл попрощаться и извиниться перед вами!

– За что? – удивилась Валя.

– Вы помните историю драки курсанта и лейтенанта несколько месяцев назад? – спросил Виктор.

– Да, что-то припоминаю... Говорили, будто это произошло рядом с медпунктом. Но я ничего не видела.

– Этим курсантом был я, – Виктор горько усмехнулся. – Впрочем, там и драки-то как таковой не было... Так, толкнул слегка. А он это раздул.

– А при чём тут я? Почему решили передо мной извиниться?

– Дело в том, что это произошло, когда я выходил от вас после перевязки. Это увидел мой командир взвода – лейтенант Семёнов. И приревновал меня к вам!

– Ах вон оно что! Так это он был участником драки с вами?..

– Поэтому я был немного обижен на вас. Считал, раз вы с ним, простите, шашни крутите, значит, виноваты в том, что я был так жестоко наказан. Конечно, глупо это с моей стороны – вы даже не знали меня. Простите за мои плохие мысли о вас!

– Это вы меня простите за то, что стала невольной участницей этого неприятного случая... Вам столько пришлось пережить после этого. Я слышала, что вас направили в штрафбат. Ранение получили...

Она порывисто схватила руку Виктора и прижала к груди. Виктору понравилась непосредственность девушки, и он снисходительно улыбнулся.

– Не в штрафбат, а в штрафную роту. В штрафбат направляют офицеров. Но это теперь уже неважно. Прощайте, Валя! И берегите себя! – сказал он, накрыв своей ладонью руки девушки.

– Вас куда направляют? – спросила, спохватившись, покрасневшая Валя.

Она осторожно высвободила руки и стала смущённо тереть пуговицы халата.

– Четвёртый Украинский фронт. И... меня зовут Виктор, – сказал уже у дверей лейтенант. – Виктор Кошелев.

– Я вам напишу, Виктор. Узнаю в строевой части училища вашу полевую почту и напишу! Обязательно напишу!

Новоиспечённый офицер вышел во двор медпункта и направился к КПП. Всякий раз, когда он невольно оглядывался назад, видел в окне стройный силуэт в белом халате. И каждый раз девушка вскидывала руку в прощальном взмахе, словно ожидала, что он опять обернётся.

Лейтенант Кошелев получил назначение в отдельную разведывательную роту N-й гвардейской дивизии 2-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, которая действовала в Мелитопольском направлении. К тому времени дивизия приняла участие в освобождении Донбасса, ведя упорные бои и проявляя героизм, разгромила группировку противника в Северной Таврии и замкнула гитлеровцев в Крыму, отрезав пути отступления по суше. Когда Виктор был в пути к месту назначения, в дивизии полным ходом шла подготовка к штурму Перекопских укреплений. Эшелоны с боевой техникой, грузом и пополнением уходили на запад непрерывно. Поэтому добраться до места дислокации соединения не составило труда. Труднее было найти свою разведроту, потому как она находилась в постоянном движении в связи с наступлением войск под Мелитополем. В штабе дивизии указали примерное нахождение роты и махнули рукой – не до него было. Начальник разведки дивизии тоже находился на передовой.

Найти роту помогло случайное происшествие. Когда Виктор на попутном санитарном транспорте добрался до медсанбата, туда привезли одного раненого разведчика в сопровождении санинструктора роты. В это время Кошелев прогуливался по двору, верно рассчитав, что в медсанбате должна быть свежая информация от поступающих с поля боя раненых. Конечно, можно было пойти к связистам. Но и они в эту пору пребывали в запарке. Без связи – нет управления, а без управления – нет победы. И вот на территорию медсанбата на полном ходу влетел командирский «Виллис». На заднем сидении, бледный от потери крови, полулежал забинтованный боец с ранением в грудь. Голова его покоилась на коленях у красноармейца с санитарной сумкой на плечах.

– Врача, врача! – крикнул водитель, ещё даже не успев затормозить. – Скорее! Врача!

Из палатки выскочили санитары с носилками, а за ними скорым шагом подошёл врач. Раненого переложили на носилки, и врач наскоро осмотрел его; увидев розовую пену у рта, устало приказал:

– Ранение в лёгкое. Гемоторакс. Несите в операционную.

Затем неспешно достал из кармана папиросу и прикурил от протянутого кем-то окурка.

– Что же вы стоите? Немедленно окажите помощь пострадавшему! – гневно накинулся на него водитель «Виллиса».

Он был одет так же, как и раненый, – в пятнистую форму без знаков различия.

– Успокойтесь, любезный, – сказал спокойно доктор. – Там есть кому заняться. Вот докурю и тоже присоединюсь. Уже пять часов не курил. Ночь не спали... Устал как чёрт...

Военврач, седовласый грузный человек лет пятидесяти, держал папиросу около губ красными от частого мытья пальцами. Руку практически не опускал, делая быстрые неглубокие затяжки. Вот он в последний раз выпустил дым из ноздрей, выбросил окурочек, растоптал каблуком, постоял несколько секунд, запрокинув голову с закрытыми глазами, и ушёл в палатку.

В это время во двор заехала полторка. Из кабины выскочил расхристанный подполковник с интендантскими погонами, на ходу выхватывая из кобуры пистолет. Из кузова вслед за ним спрыгнул красноармеец.

– Да я тебя под трибунал! – закричал интендант, передёргивая затвор ТТ. – Расстреляю к чёртовой матери! Кто угнал машину, где мой портфель?

– Этот! – указал пальцем на водителя «Виллиса» приехавший с ним боец. – Я ничего не успел сделать. Он меня выкинул из машины, и всё!

Подполковник в бешенстве повернулся в сторону угонщика, поднял руку с пистолетом. Выстрел ушёл в небо. Стоящий в двух шагах Кошелев постарался. Успел подскочить, отбить вверх, а затем перехватить руку в заломе. Он отобрал у подполковника пистолет, вытащил обойму, передёрнул, сделал контрольный спуск курка и кинул сопровождающему бойцу. Всё это он сделал так быстро, чётко, что боец восхищённо охнул.

– А обойма пускай у меня побудет... пока... – сказал Виктор. – Вы, товарищ подполковник, видать, сами под трибунал захотели?!

– Ты кто такой? – спросил визгливо интендант. – Эти недоумки угнали мой «Виллис» с документами. Угрожали водителю. Избили. Я это дело так не оставлю!

Виктор спокойно дослушал речь подполковника и представился:

– Лейтенант Кошелев! Следую в распоряжение разведроты дивизии.

– Так ты к нам?! – воскликнул до сих пор молчавший и наблюдающий за происходящим со стороны боец в пятнистой форме. – Извините, товарищ подполковник! Но срочно нужно было раненого командира доставить в медсанбат. Мы его чуть не потеряли. Километров пять на себе тащили. А тут, смотрю, «Виллис» у дороги стоит. Боец за рулём прохлаждается без дела. Ну, мы позаимствовали. Вы бы подождали чуток там, вернули бы вашу машину в целости и сохранности. И портфель ваш цел. Там, под сиденьем.

Подполковник снова подскочил к машине, достал портфель, заглянул внутрь, что-то там посчитал пальцами.

– Открывали портфель? – спросил он, с грозным видом подняв голову.

– Да на кой он нам! Нам бы скорее командира довести до докторов... Кинули его под ноги, чтоб не мешал, когда укладывали старлея, и... полетели...

– Ваша фамилия, боец?

– Гвардии сержант Васильев! Разведрота N-й гвардейской дивизии!

– Распустились вы, разведчики! – проворчал интендант. – Я буду вынужден доложить об этом командиру дивизии! Я вам ещё покажу!

Кошелев подошел поближе к старшему офицеру.

– Товарищ подполковник, – сказал он мягким голосом. – Может, замнём ситуацию?! Они погорячились, можно понять. И вы погорячились – слава богу, что не убили никого. Тут есть свидетели, все видели, как вы стреляли. Зачем вам и нам лишние проблемы? Машина цела, портфель на месте, сержант извинился. Давайте разойдёмся мирно.

– ...?!

– Учтите, я тоже молчать не буду... – добавил Виктор, видя нерешительность интенданта.

– Хорошо, – буркнул под нос подполковник, понимая своё положение. – Отдайте обойму.

А ты верни пистолет и садись за руль, оболтус! Поехали! Опаздываем...

Водитель лихо развернул на месте «Виллис» и, видимо желая загладить вину, погнал на предельной скорости по грунтовой дороге – клубы пыли вихрем поднялись до макушек придорожных деревьев. Кошелев, проводив взглядом удаляющийся транспорт, повернулся в сторону разведчика. Они молча переглянулись, потом посмотрели на водителя, стоящего с разинутым ртом возле полуторки, и одновременно подошли к нему с двух сторон.

– Ты, браток, откуда? – начал вкрадчиво Виктор.

– Дык, это... Вон, товарищ подполковник, – сказал водитель полуторки, показав в сторону уехавшей машины и настороженно взглянув на ловкого лейтенанта.

– Это мы поняли. Тебя подполковник попросил привезти его сюда. Так?

– Так! – подтвердил водитель. – Приказали!

– Ясно! Куда путь держал?

– Дык, это... Туда! – махнул он опять рукой. – На склад. Там мы вещевое имущество получаем. Товарищ старшина ожидает. Я один рейс уже сделал. Надо ещё.

– А куда делаешь рейс? – спросил терпеливо Кошелев.

– Дык, это... В Ново-Троицк. Ну, там рядом.

– А нам куда надо, товарищ гвардии сержант? – спросил разведчика Виктор.

– Нам тоже туда примерно. Дальше Ново-Троицка, километров пять пешком дойдём.

– Зачем же пешком? Нас... а как тебя зовут, боец?

– Пётр я.

– Вот, нас Пётр доведёт. Да, Пётр?!

– Дык, это... Как товарищ старшина скажет.

– Так ты расскажи товарищу старшине, как дело было. Он поймёт, я думаю... Ты поезжай за грузом-то. Да на обратном пути нас забери. Тебе сколько времени надо? А мы пока узнаем, как дела у раненого.

– Дык, это... За полчаса обернусь. Не велик груз – в кузов закидать.

Через сорок минут лейтенант Кошелев с гвардии сержантом Васильевым и молчаливым санинструктором роты ехали, лёжа на мягких тюках, мерно покачиваясь на неровностях пыльной просёлочной дороги. Виктор с любопытством разглядывал незнакомый ландшафт. Тут и укрыться-то негде – ни лесов тебе, ни холмов, ни оврагов. До самого горизонта от дороги, справа и слева – сколько глаз охватит, уходила степь, там и тут заросшая ковылём. В метрах пятидесяти от хода машины разбежалась быстро-быстро по земле и взлетела дрофа, а затем, грациозно взмахнув тёмным крылом, продолжила полёт по прямой.

После часа безмятежной езды разведчики высадились у села Александровка, помахали на прощание Петру и отправились искать, где разместилась разведывательная рота.

## Глава 3. Разведрота

Командир роты квартировал в аккуратной белёной хате на краю села. Просторный двор и сад, сплошь в абрикосовых деревьях, были огорожены плетнём из ивовых прутьев, на его столбах тут и там блестели глиняные горшки.

Сержант Васильев уверенно открыл калитку, и его взору открылась идиллическая картина. По пояс раздетый мужчина среднего роста, с крепкой мускулистой фигурой стоял в полуклане, а миловидная полноватая женщина лет тридцати лила ему на спину воду из ковшика. Он охал, фыркал, энергично потирал шею, грудь, спину – куда рука доставала. При этом его мускулы бугрились, играли от движений, а женщина, восхищённо прикрыв пухлыми пальчиками левой руки свои губы, смотрела во все глаза. Вот он, в последний раз фыркнув, выпрямился, снял с плеча женщины вышитое полотенце, накинул на шею, улыбнулся ей и... заметил вошедших во двор военных.

– Товарищ гвардии капитан, разрешите обратиться? – спросил его сержант. В его голосе чувствовалось уважение, здоровый страх перед строгим командиром и некоторая доля восхищения – почти как у женщины, стоящей рядом.

– Говорите, сержант! Спасибо, Марья! – произнёс капитан, обращаясь одновременно к обоим.

Марья молча ушла в хату, а сержант продолжил:

– Старлея доставили своевременно. Успели благодаря подвернувшемуся транспорту. Старлея уже прооперировали. Военврач сказал, что его жизни ничего не угрожает. Ранение в правое лёгкое. Санинструктор ушёл к себе, а со мной вот – лейтенант прибыл. Наш человек, – добавил он после некоторой паузы.

Капитан вопросительно повернулся в сторону Виктора.

– Лейтенант Кошелев! Прибыл для прохождения дальнейшей службы! – отрапортовал Виктор.

Капитан бросил взгляд на его нашивку о ранении и представился:

– Гвардии капитан Лысенко Сергей Петрович. Командир отдельной разведывательной роты. Где воевали, откуда прибыли?

– Да я почти не воевал, товарищ гвардии капитан. Так, один бой за высоту и ранение... Прибыл из N-ского пехотного училища после выпуска.

– Что-то поздновато для выпуска...

– Для меня был отдельный выпуск в связи со сложившимися обстоятельствами.

– Ладно! Разберёмся потом. Отдайте документы писарю роты для оформления, размещайтесь, затем представим личному составу роты, а вечером жду вас на ужин ко мне с остальными командирами взводов. Васильев, проводите!

На построении Кошелев был представлен личному составу роты в качестве командира второго взвода. Дислокация роты в большом селе позволяла разместить личный состав по домам. Перед ужином Виктор познакомился со своим взводом. По возможности, сколько времени хватило, изучил их «солдатские» книжки. Вернее, они назывались красноармейскими книжками, туда записывались все данные бойца. Красноармейскую книжку каждый должен был иметь при себе. Не личное дело, конечно, но для краткого знакомства сойдёт. Это позволило в кратчайшие сроки, благодаря отменной памяти, изучить сведения о подчинённых. Конечно, настоящее знакомство могло состояться лишь в деле, в повседневном общении. Но Виктор уже мог без запинки назвать по фамилии тех бойцов, чьи документы успел просмотреть. Он прекратил тренировать свою память, лишь когда посыльный позвал его к командиру. Пришлось ему оставить знакомство ещё с одним отделением на потом.

У командира роты собрались все офицеры, за исключением одного, угодившего с ранением в медсанбат. Судя по всему, на его скорое возвращение рассчитывать не приходилось. Скорее всего, отправят долечиваться в тыловой госпиталь, как Виктора.

Ужин у командира был хорош – давно Виктор не ел такого вкусного борща со сметаной и чесноком. Да зелень на столе, да хлеб пахучий, да разносолы, да картошечка варёная, да присыпанная укропчиком... Ели молча. Молчал командир – молчали все. Лишь однажды Виктор не удержался:

– Эх, хорошо! Вкусный борщ!

– Это наша Марьюшка постаралась, – сказал капитан. – У неё по-другому не бывает.

– Ну, скажете уж, Сергей Петрович, – засмушалась Марья, перебирая платок. – А вы ешьте, ешьте! Я ещё добавлю...

– Не откажусь, – отозвался Виктор.

После нескольких дней в дороге на сухом пайке сегодняшний ужин ему казался царским пиром. Он потешил свой желудок ещё одной порцией борща. Когда капитан наконец увидел, что новоприбывший насытился, а остальные давно уже отложили ложки, предложил всем выйти во двор. Здесь они сели на лавочки под абрикосовыми деревьями и закурили. Вернее, курили все, кроме капитана и лейтенанта Кошелева.

– У нас в роте определённая традиция, – начал командир, обращаясь к Виктору. – Завтрак, обед со взводом, ужин у меня. Это, конечно, в период тишины, когда нет боевых выходов, как сегодня. Так вот, после ужина у нас традиционно происходит командирский разбор полётов. Но сегодня у нас не совсем традиционно. Группа разведчиков со старшим лейтенантом Егоровым попала в засаду. Егоров тяжело ранен, задание не выполнено.

Капитан Лысенко слегка поёжился от неприятных мыслей, качнул головой и продолжил:

– Егорова нет – докладывать ситуацию некому, кроме сержанта Васильева. Я с ним уже беседовал. Потому информацию по провалу операции доведу сам. Командование крайне недовольно. Начальник разведки дивизии лично прибыл сегодня сюда, чтобы изучить ситуацию на месте. Готовится большое наступление. Нужна постоянная, регулярная информация по противнику. А кто это может добыть, кроме нас? Никто! Это наша основная работа!

Капитан начал повышать голос, и в нём уже слышались металлические нотки:

– Почему провалили операцию? – спросил он. И сам же ответил: – Самоуверенность вкупе со страхом. Самоуверенно пошли по неизученному маршруту, нарвались на засаду – это ещё надо выяснить, что за засада, откуда знали о движении группы. К самоуверенности в последующем присоединился страх неизвестности. В результате задание провалено. Чему я вас учу?! Это хорошо, что обошлось только ранением одного и они смогли вынести своего командира без других потерь. А ведь могли всю группу там оставить... Завтра поведу сам, – продолжил капитан. – За меня остаётся командир первого взвода.

– Есть!

– Разрешите мне с вами, товарищ гвардии капитан? – подал голос Кошелев.

– Нет! – твёрдо сказал командир роты. – Я пока не могу быть уверен в вас. Не обижайтесь, но вы ещё не разведчик. Грубо говоря, пока подчинённые не слышат, вы вообще никто. Через неделю-другую интенсивной подготовки, возможно, что-то из вас можно слепить. И то при наличии базы. Это я проверю после возвращения с задания. А пока изучайте личный состав, знакомьтесь, общайтесь с командирами и вникайте в работу.

Ночью, уже ближе к рассвету, группа во главе с капитаном Лысенко ушла на задание. Оно было крайне сложным. Требовался язык, владеющий сведениями об укрепрайоне Перекопского перешейка. По поступившей оперативной информации был такой человек – оберстлейтенант инженерной службы Шульц. В крайнем случае штабс-фельдфебель укрепрайона Вольфганг Груббер. Этот – практически правая рукой Шульца и владеет не меньшей информа-

цией. Штабс-фельдфебель непосредственно принимал участие в строительстве долговременных укрепленных позиций.

Утром замкомвзвода увёл подчинённых Кошелева на занятия за село. Виктор полностью доверился ему, лишь со стороны наблюдая, как разведчики тренируются. Ему было интересно, ведь он и сам считался неплохим спортсменом. До войны занимался парашютным спортом, в училище увлёкся боксом, гиревым спортом, – неоднократно призёр соревнований. В училище преподавали рукопашный бой, штыковой бой (тут ему вспомнилось, как неудачно он провёл свой реальный штыковой бой на той злополучной высоте). Правда, там больше внимания уделялось общефизической подготовке, преодолению препятствий, владению холодным оружием, штыком. «... Умело сочетая огонь и движение, сблизиться с противником, атаковать его, уничтожить в рукопашной схватке или захватить в плен и закрепить за собой захваченную местность...» – тут же пришли на ум строки из «Боевого устава пехоты».

Разведчики немного размялись, разбились на пары – провели схватки, но не это было главным. Виктору показалось странным, когда они уселись в круг «по-турецки», сложили руки на колени, закрыли глаза и будто уснули. Кошелев даже устал ждать. Хотел уже окликнуть, чтобы сделать замечание, но тут к нему подошёл один из офицеров с птичьей фамилией Синицын – командир первого взвода.

– Что, – спросил он и в шутку надвинул пилотку Кошелева на нос, – наблюдаешь? Ну наблюдай, наблюдай! Ещё не такое увидишь! У нас комроты особенный.

– А что они делают? – спросил Виктор, поправляя пилотку.

– Созерцают. Укрепляют дух и тело. Медитация называется. И ты знаешь, помогает!

– Странно, – сказал Кошелев. – Я ничего подобного раньше не видел.

– То ли ещё будет, – усмехнулся Синицын. – Вот вернётся командир...

– А расскажи мне про него! – перебил Виктор.

– Ну, пойдём в тенёчек, присядем, расскажу.

Они отошли в сторонку к одиноко стоящей сосне с кривым стволом и широкой кроной. Виктор расшвырял сапогом упавшие прошлогодние сухие шишки и первым уселся, прислонив спину к дереву. Синицын примостился рядом.

– Капитан Лысенко прибыл к нам год назад, когда прежнего командира убило, – начал повествование Синицын. – Сам я давно здесь, с момента формирования. Капитан ещё не был капитаном тогда, а всего лишь старший лейтенант. Приехал он к нам с Дальнего Востока. То ли из Хабаровска, то ли из Владивостока. Есть мнение, что он раньше жил в Японии или Китае. И фамилия у него настоящая не Лысенко. Но это нам не ведомо. Сам он особенно не распространяется о своей прежней жизни.

Синицын поёрзал на месте, пытаясь принять удобную позу, вытащил из-под себя шишку, подвинулся ближе к стволу и тоже прислонился к сосне. Запустив шишку в сторону, продолжил:

– Главное, что он отличный командир. Строгий, панибратства не допускает. Со всеми на «вы». И с собственной философией и мировоззрением. Но это службе не мешает, а наоборот. Все эти медитации – оттуда. Совершенно владеет своим телом, отличный стрелок и боец. Тут у нас в разведке есть разные люди – спортсмены, боксёры, просто сильные люди. Но ни один из них не выдерживает и минуты рукопашного боя с ним. Очень ловкий и выносливый. Такое ощущение, что этот человек не знает ни усталости, ни боли. На боевых выходах за его темпом не угнаться. А один раз видел, как в лесу в него попал самострел, видимо, оставленный охотниками ещё до войны, стрела воткнулась ему в плечо. А он хоть бы какой звук издал, молча постоял некоторое время, вытащил стрелу, зажал рану рукой. Так и стоял, пока его не перебинтовали. Мы ещё два дня ходили, ни разу не пожаловался. Говорит, что с болью надо дружить, уметь разговаривать. И тогда она отступит. Вот такой он, наш капитан.

Виктор слушал Сеницына не перебивая, внутренне радуясь тому, что судьба предоставила возможность встретить такого удивительного человека. Он непременно станет как Лысенко. Попросит его научить всему, что тот умеет.

Тем временем утренние занятия разведчиков закончились, замкомвзвода доложил Кошелеву, и они строем направились в село. А старший лейтенант Сеницын остался со своим взводом. Слышно было, что он распекал своих – несмотря на то, что был занят беседой с Виктором, не забывал наблюдать за действиями взвода. Заставил повторить некоторые элементы. Да уж, тяжело в учении, зато легко в бою.

## Глава 4. Перекопский вал

Когда солнце клонилось к закату, окрашивая в кроваво-красный цвет слоистые облака на горизонте, капитан со своей группой вернулся в расположение роты. Они блестяще выполнили задание, сдали языка особистам в штабе дивизии и прикатили на полуторке, выделенной начальником разведки – подполковник был доволен, а потому расщедрился на транспорт для группы Лысенко. Тот никоим образом не выдавал свои эмоции: был строг, деловит и стремителен. Раздал текущие указания подчинённым, затем приказал собрать всех командиров на совещание.

– Наступление наших войск в направлении укреплений Перекопского перешейка и Сивашских позиций продолжается. Командованием в результате допроса языка принято решение возложить на нашу роту следующую задачу: овладеть господствующей высотой в районе Турецкого вала и удерживать до подхода основных сил. Прошу достать карты, товарищи офицеры.

«Опять высота», – подумал Виктор, открывая свой планшет. Он невольно потёр раненое плечо. Хотя рана давно зажила, иногда давала о себе знать небольшим саднением.

– Строго говоря, это не высота, а развалины Перекопской крепости. Наличие противника установлено здесь и здесь, – показывал на карте командир роты. – В первую очередь обратить внимание на подавление огневых точек в ДЗОТах. Они устроены здесь, дальше по валу ещё один. С ними работают бойцы первого взвода. Далее обеспечиваем данными огневого поражения объектов противника. Для этого нам придан артиллерийский наводчик. Главное – действовать внезапно и скрытно. Отсутствие складок местности для скрытного приближения компенсируем ночной темнотой. Прошу заняться подготовкой личного состава и оружия для боя в ночное время. Сегодня это должно быть особенно тщательно. Не группа выходит, а вся рота. На подготовку нам даны одни сутки. Лейтенанта Кошелева прошу остаться, остальные свободны.

– Ваш взвод остаётся в резерве, – сказал капитан Виктору. – В бой не вступать ни при каких обстоятельствах. Только по моей команде.

Кошелев был расстроен – он рвался в бой. Но капитана это мало волновало.

– Ожидать вот здесь, – капитан показал на карте. – Связь будем поддерживать ракетами. Красная ракета в вашем направлении – «требуется помощь», зелёная – «всё в порядке», высота взята.

Началась подготовка роты к боевому выходу. Чудно было это для Виктора. Все бойцы вместе с командирами облачились в диковинные одежды – каски обмотали тряпками, на себя примеривали какие-то лохмотья – так показалось Кошелеву. Но при ближайшем рассмотрении оказалось, что это добротная сшитая одежда: куртки с капюшоном и штаны. Только к ним часто-часто были пришиты полоски разной ткани защитного цвета. «Как чучела», – подумал Виктор. Один из бойцов взвода ему тоже принёс такую «чучело»-форму. Не остались без внимания оружие бойцов и ящики с боеприпасами. Всё было обмотано тряпками, чтобы не гремело и не блестело в темноте. Хотя штаны позволяли носить навывпуск, поверх сапог, было предусмотрено ношение специальных тряпичных бахил. Их предстояло натянуть на сапоги в непосредственной близости с противником, чтобы заглушить звуки шагов. Последний штрих подготовки уже не удивил Виктора: бойцы начали намазывать лица и руки сажей. Страшно и смешно было смотреть на чумазных сослуживцев. Под таким гримом все стали неузнаваемыми – одинаковыми.

Вскоре большая группа странно одетых мужчин начала бесшумно двигаться в сторону фортификационного сооружения с двухтысячелетней историей. О тех местах, где им предстояло вести бой, впервые упоминал ещё в первом веке римский учёный Плиний Старший.

Именно в его письменах есть описание рва с валом, отрезающим полуостров Крым от материка. Об этом же писал и Геродот задолго до него – в пятом веке до нашей эры. В древности канал наполнялся водой, и по нему даже ходили корабли, сокращая путь. Строителям, наверное, проще было выкинуть грунт в обе стороны, что сократило бы трудоёмкость наполовину. Но вместо этого они вынимали и кидали грунт в одну сторону, создавая вал. Защитный вал. Кто создавал этот ров, неизвестно. Ясно только одно – планировали защититься от угрозы, исходящей от материковых степей.

Теперь войскам Красной Армии предстояло прорвать оборону укрепленных позиций гитлеровцев на этом валу и разгромить двухсоттысячную группировку на полуострове. В связи с открытым характером местности скрытные марш-манёвры советских войск были затруднительными. Поэтому передвижение личного состава, подвоз боеприпасов и продовольствия осуществлялись только в ночное время. А техника тут же зарывалась в грунт. Гитлеровцы почти полгода готовили здесь оборону, используя географические условия Перекопского вала, очень глубокую и усиленную инженерно-минными заградительными сооружениями.

Таким образом, странно одетым бесшумным мужчинам выпала участь стать важным винтиком в этой операции. Захват господствующей высоты обеспечивал войскам время для похода к валу, корректировку артиллерийского огня перед штурмом и контроль выгодного направления удара основных сил.

Второй взвод был оставлен в небольшой балке. Остальные во главе с капитаном Лысенко ушли в ночную тьму. Буквально через пятьдесят метров их уже не было видно и слышно. Бойцы Кошелева прилегли, прижавшись к левому склону балки. Виктор стал напряжённо всматриваться в темноту в тревожном ожидании. Прошло уже полчаса, прежде чем мелькнула ослепительная вспышка, затем ночную тишину прорезал звук взрыва гранаты. Ещё одна вспышка, другая... Выстрелы... И понеслось: справа – знакомый стрекот немецкой MG-42, слева, ближе, – звуки наших ППШ, редкие ответы винтовок и всполохи от выстрелов немецких автоматов. Снова взрывы гранат – захлебнулся немецкий пулемёт. Вдоль вала, справа и слева, взметнулись осветительные ракеты противника. При их вспышках Виктор успел разглядеть, что дело сделано – рота ворвалась в траншею. Но немцы этого ещё не понимали в суматохе. С соседних позиций не вели огонь – видимо, боялись попасть в своих. А разведрота слилась с местностью и затихла, предпочитая работать холодным оружием, добывая врага.

Через некоторое время со стороны высоты к балке, где укрывался взвод Кошелева, прилетела зелёная ракета – «все в порядке» – можно подходить. Виктор тихим голосом поднял бойцов и повёл на высоту, стараясь не шуметь. Впрочем, особой тишины не требовалось, потому что немцы очухались: там и тут раздавались выстрелы, окрики. Скоро поймут, что позиция уничтожена, и постараются вернуть обратно. Взвод Кошелева быстрым шагом приблизился ко рву, перебрался через него, начал подниматься по пологому насыпному склону вала. В это время с двух сторон ударили немцы. Сначала слышались глухие звуки выстрелов немецких пятидесятимиллиметровых пехотных миномётов. Но стреляли в темноте, наобум, поэтому особого вреда не причинили, лишь два разведчика получили лёгкие ранения. Так что большинство бойцов успели подняться на высоту и укрыться в окопах.

Осторожно продвигаясь по траншее в поисках командира роты, Кошелев увидел множество убитых гитлеровцев, валяющихся под ногами. Ротный обнаружился у немецкого ДЗОТа. Он давал указания по организации обороны, а связист рядом разворачивал рацию. Со слов командира стало ясно, что скоро начнётся артподготовка наших войск – светает. Необходимо корректировать их огонь.

– Задача вашего взвода – прикрыть занятые нами позиции с правого фланга, – сказал капитан Лысенко, указав местоположение рукой. – С той стороны, вдоль по валу, гитлеровцы. Но, по данным разведки, их там мало. Действовать осмотрительно. На рожон не лезть. Беречь

личный состав. Главная задача по взятию высоты ротой выполнена. Ждём удара наших главных сил.

– Есть!

Кошелев довёл своим бойцам приказ командира роты. Взвод спешно принялся обустривать место обороны. С рассветом, как и предполагал капитан, немцы ударили с тыла и левого фланга. А справа, где стоял взвод Кошелева, мешал рельеф самого вала. Начала бить артиллерия, слева наступали немецкие солдаты. Несмотря на ожесточённое желание гитлеровцев вернуть выгодную высоту, им это не удалось. В течение часа, пока шёл бой, фашисты неоднократно бросали людей на высоту, но продвинуться вперед не смогли.

Вдруг земля содрогнулась от мощных нескончаемых взрывов – это наша дальнобойная артиллерия, бог войны, начала артподготовку. Задача этого грозного бога – подавление огневых точек, в том числе артиллерийских и миномётных батарей, разрушение дзотов, а также создание хаоса в управлении и организация проходов в заграждениях для движения наступающих войск. Через час с небольшим обстрела огонь, уже меньшей интенсивности, был перенесён в глубину обороны противника. Как только это произошло, со стороны позиций наших войск открылась массированная стрельба из стрелкового оружия и послышались возгласы: «Ура-а-а!»

Виктор подумал, что уже началось наступление основных сил, но оказалось, это был кратковременный перенос огня артиллерии и имитация атаки, цель которой – вывод солдат противника из укрытий. Буквально через пять минут артиллеристы снова перенесли огонь на передовые позиции гитлеровцев. Позже, по допросам пленных немецких солдат, выяснили, что нашу ложную атаку противник действительно принял за настоящую. Поэтому вывел свои силы из укрытий на первую линию окопов, в результате чего понёс серьёзные потери в живой силе и технике.

С окончанием двух с половиной часов артиллерийской подготовки передовые стрелковые полки дивизии, уничтожив небольшие выжившие группы гитлеровцев, в течение первого же часа боя полностью захватили позиции обороны и вклинились на глубину до полутора километров. Существенную поддержку наступающим оказывала ружейно-пулемётным огнём разведроты капитана Лысенко, засевшая на выгодной позиции. Благодаря возвышенности для бойцов роты это был первый увиденный своими глазами бой, размах которого превзошёл все мыслимые ожидания. Перед их взором разворачивалась картина сражения невиданного масштаба. Нескончаемым потоком через проходы в минных полях шли бойцы и техника, затем, растекаясь по фронту, бросались в бой, метр за метром освобождая занятые противником позиции.

В результате двухдневного напряжённого боя дивизия, во взаимодействии с другими соединениями 2-й гвардейской армии, прорвала первую полосу обороны и разгромила основные силы противника.

Как только волна наступающих прошла через Перекопский вал, командира роты вызвал к себе начальник разведки дивизии. Лысенко убыл в командный пункт, приказав роте оставаться на занятых позициях.

В ожидании ротного бойцы переоделись в привычное обмундирование, занялись чисткой оружия, принялись приводить форму в порядок. Старшина роты занялся обеспечением питания личного состава. Кошелев проверил своих бойцов и, отдав указания замкомвзвода по отправке в тыл раненых, поднялся на высшую точку развалин, чтобы посмотреть на окрестности некогда грозной и знаменитой крепости.

Крепость была важным турецко-татарским сооружением, которое закрывало единственный сухопутный проход в Крым через Перекопское сужение. Турецкое название крепости – Ор-Капу, татары же называли крепость Ферх-Кермен, а славянские народы – Перекоп. Ор-

Капу несколько раз разрушалась. В 1500 году крепость попытался взять хан Большой Орды Ших-Ахмет.

Через год повторил попытку – опять не получилось. Неоднократно брали крепость и оставляли русские войска. В 1663 году захватывали запорожские казаки во главе с Иваном Сирко. Самые тяжёлые удары эта линия обороны получила в ходе русско-турецких войн в восемнадцатом веке, в которых непосредственное участие принимало Крымское ханство: и как вассал Османской империи, и как важный объект расширения сферы влияния Российской империи.

В 1736 году русские войска взяли штурмом Перекопский вал и крепость. Но окончательно овладели Ор-Капу лишь в 1738 году. Остатки города и земляных валов, множество раз перестроенных, были совершенно разрушены во время штурма Красной Армией в Гражданскую войну. После этих событий 1920 года крепость дважды становилась ареной военных событий.

В 1941 году, несмотря на работы по укреплению перешейка и ожесточённое сопротивление Красной Армии, пришлось оставить эти места на долгие два года. И вот теперь советские войска бесповоротно овладели валом и отбросили гитлеровцев вглубь полуострова.

Виктор всматривался вдаль, но, кроме развалин крепости и близлежащих холмов, ничего не было видно. Повсюду до самого неба поднимались клубы дыма от горячей техники, временных зданий и сооружений, превращая светлый день в сумерки. Сквозь эту мглу то там, то тут вспыхивали багровые всполохи огня – видимо, взрывались остатки боеприпасов. Но там дальше, со стороны моря, где был виден через дым красный диск, стали пробиваться слабые лучики солнца, отчего игра света стала умопомрачительной. В то время как южный склон Перекопского вала оставался во мраке дыма пожарищ, северный склон, освещённый лучами солнца, окрасился светло-золотистыми и другими яркими осенними красками.

## Глава 5. Ожидание

Из идиллического состояния Виктора вывел многоголосый хохот бойцов взвода. Лейтенант обернулся к своим. Внизу, собравшись в кружок, бойцы слушали байки записного шутника и балагура Савелия. Как в газетах пишут: *«Жить без пицци можно сутки. Можно больше. Но порой на войне одной минутки не прожить без прибаутки, шутки самой немудрой»*<sup>1</sup>.

Кошелев спустился к своим, прислушался, улыбаясь.

– Взял я, значит, удочки и пошёл к озеру, – продолжал вещать Савелий. – А там красота-а-а неопиcуемая. Раннее утро, солнце только-только встаёт, пробиваясь лучами из-за крон деревьев, растущих вокруг озера. А над водой такой лёгкий туман от испарения... И ни ветерка-а-а. Тишина-а-а. Слышно только, как далеко за деревьями в лесочке поют птички негромко... Но портит эту идиллию такой, знаете, как бы это помягче выразиться, неприятный запах. До тошноты, откуда-то тянет. Фу-у-у...

Савелий всё это рассказывал с чувством и интонацией, причём его подвижное лицо меняло выражение практически с каждым предложением. Вот и сейчас на последнем слове сморщил нос, затем умолк, сделав театральную паузу.

– Ну-у-у?! – взмолились бойцы в ожидании продолжения.

У многих при этом на лицах заранее расплывалась широкая улыбка. Вот сейчас Савелий задаст... Но Савелий продолжил спокойно:

– Смотрю, в сторонке на мостках сидит дед с удочкой. Тоже, видать, на рыбалку пришёл. Я к нему подхожу и обращаюсь так уважительно: «Здорово, дед!» Он: «Здравствуй, милоч!» Я: «Слушай, дед, я сам не местный – в гости приехал. Вот решил рыбу поудить...» Дед: «Что ж, хорошее дело. У нас тут знатная рыбалка». Я говорю: «Да, всё прекрасно, красиво – лес, озеро, тишина, рыбалка. Только не пойму – отчего так воняет здесь?» Дед встрепенулся, ожил, вышел из полусонного состояния и говорит: «А ты разве не знаешь историю здешних мест?! Нет? Ну, тогда слушай!» Он полностью повернулся ко мне лицом, устроился на мостках поудобнее и продолжил: «В нашей деревне жили-были две семьи – соседи. Дружные были. В одной семье росла девочка, в другой – мальчик. Мальчик с девочкой всё время были рядом – не разлей вода. Играли вместе на улице, друг друга в обиду не давали. Зовут кушать мальчика – девочку берёт с собой, зовут девочку домой – она его к себе приглашает. Как одна семья, в общем. Как подросли – пошли в школу, сидели за одной партой. Когда заканчивали школу, дружба переросла в большую любовь. Так любили друг друга, так любили... Вся деревня радовалась их счастью. Но возраст уже был у парня призывной. Забрали в Красную Армию, а тут финская как раз началась...» Дед слегка прокашлялся и запел:

– Мы приходим помочь вам расправиться,  
Расплатиться с лихвой за позор.  
Принимай нас, Суоми-красавица,  
В озерелье прозрачных озёр<sup>2</sup>!

Затем дед говорит: «Ну, он там и сгинул, в этих озёрах прозрачных. Пропал без вести. Аккурат зима была, как похоронка пришла. Девочка наша так убивалась, так убивалась... хотела даже в петлю лезть. Удержали тогда... Но прошло полгода, наступило лето, она вот

---

<sup>1</sup> Отрывок из поэмы А. Твардовского «Василий Тёркин». Печаталась во фронтовых газетах с 1942 года. Завершена в 1945 году.

<sup>2</sup> Отрывок из песни «Принимай нас, Суоми-красавица». Музыка: Даниил и Дмитрий Покрасс. Слова: Анатолий Д'Актиль (Френкель). 1939 год.

с этих мостков и бросилась в озеро, утопла. Вся деревня хоронила сердешную...» Дед замолчал, достал кисет с махоркой, скрутил сигарку, закурил и, пустив густой дым, продолжил: «Ты представляешь, прошло буквально два месяца, как её похоронили, вернулся тот парень с войны. Оказалось, что был в плену у финнов. Вернулся, а любимой-то уже нет в живых. Что делать?! Жизнь – она такая. То одним боком повернётся, то другим...» Я спрашиваю деда: «И что дальше?» Дед посмотрел на меня с прищуром сквозь табачный дым и говорит: «Что-то? Он тоже утоп. Напился самогону и утоп, бросившись в озеро с этих же самых мостков... Эх-эх-хэхх... Вот такая грустная история в нашей деревне приключилась, сынок!» Я говорю ему: «Да, история очень грустная! Но ты так и не сказал, дед, почему воняет-то у озера?» Дед: «Не знаю... Насрал, наверное, кто-нибудь на берегу...»

Гомерический хохот всего взвода разорвал напряжённую тишину. Виктор тоже улыбнулся и подумал: «Молодец, Савелий! Какая бы нелепая шутка ни была – всё идёт на пользу бойцам. Снимает напряжение. Только что был бой, каждый смотрел смерти в лицо – убиты, ранены товарищи, тяжело на душе и... вдруг... кто-то отпустил шуточку, рассказал анекдот. И хохот. Взрыв хохота! И отлегло... Фронтовики – люди грубоватые, иной раз циничные, но человеческое достоинство не уронят. Пусть шуткуют... Без этого нельзя...»

Лейтенант Кошелев по траншеям пробрался к первому взводу. Старший лейтенант Сеницын был в блиндаже: сидел за столиком и что-то записывал в блокнот.

– А, Виктор! Заходи! Я тут записываю ход боя, пока свежо в памяти. Потом во время разбора у командира роты пригодится. Рекомендую тоже так поступать.

– Да я на память не жалуясь...

– Все так говорят.

– Нет, на самом деле, – сказал Кошелев, усаживаясь на скамейку. – Я не шучу. Стоит мне взглянуть на текст или объект, так сразу запоминаю, могу воспроизвести, описать. Как будто перед глазами фотографическая карточка.

Сеницын заинтересованно посмотрел на Виктора.

– Хм-м-м... Интересно. А командиру сказал об этом?

– Нет, не успел. Некогда было. Мы с ним даже не успели поговорить. Сначала ушёл на задание с группой, потом этот бой...

– Ну-ка, давай проверим, пока нет командира! Отвернись!

Кошелев с улыбкой отвернулся в сторону. Сеницын снял часы с руки, покрутил стрелки, положил на столик. Там же поместил ещё множество предметов из планшета и карманов. Что-то поднял с пола и присовокупил к композиции.

– Сейчас ты повернёшься, посмотришь на предметы на столе в течение десяти секунд и как можно подробнее опишешь их, отвернувшись, – сказал Сеницын. – Поворачивайся!

Виктор последовал команде, посмотрел на стол и, не дожидаясь сигнала, отвернулся:

– Я готов.

– Так быстро? – удивился старший лейтенант. – Говори!

– На столе лежат твои часы из жёлтого металла, времени на них без пяти девять, хотя сейчас время другое – я посмотрел на свои, когда зашёл. Было четырнадцать тридцать пять. Кроме того, на столе компас, карандаш химический, блокнот, в который ты писал, две стреляные гильзы от ППШ, один патрон от ТТ, немецкая монета, не знаю, какого достоинства, решкой книзу. Ах да, керосиновая лампа – немецкая. И ещё между досок застрял засохший паук.

– Из жёлтого металла?! – обиделся Сеницын в шутку. – Они золотые – папин подарок в честь окончания военного училища. В остальном – всё верно! Да ты феномен, Кошелев!

– Это ерунда. Я баллистические таблицы запоминал в училище с одного прочтения.

– Твои способности надо использовать в нашем деле. Разведчику умение запомирать большой объём информации крайне необходимо.

В это время в блиндаж заглянул один из бойцов:

– Товарищ гвардии старший лейтенант, ротный идёт!

Синицын с Кошелевым вышли встречать капитана Лысенко. Он шествовал не один. С ним прибыл ещё один офицер – майор НКВД.

– Товарищ гвардии капитан, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Личный состав занимается приёмом пищи, приводит в порядок себя и вверенное оружие. Раненые отправлены в медсанбат, – доложил Синицын.

– Хорошо. Соберите всех офицеров роты. Товарищ майор желает побеседовать.

Собрались в том же самом блиндаже: пространство позволяло.

– Вот, товарищ майор, пять человек вместе со мной, – сказал ротный. – Политрука у меня нет – убит, до сих пор не прислали. Командир третьего взвода в медсанбате – ранен. Лейтенант Кошелев у нас только третий день. Остальные офицеры надёжные, проверенные.

– А лейтенант Кошелев, значит, ненадёжный?! – спросил майор.

Каверзный вопрос энкавэдэшника нисколько не смутил капитана. Он спокойно ответил:

– В бою он себя показал смелым, не трусил. Но изучить его более подробно пока возможности не было. Я же сказал, что он у нас всего три дня.

Майор достал из планшета листочки, положил на стол перед собой. Виктор заметил, что это были списки с фамилиями. Офицер НКВД пробежал по списку глазами, отложил в сторону.

– Товарищи офицеры! – начал он. – Красная Армия успешно наступает, освобождая ранее занятые территории Советского Союза. Но на освобождённых территориях ещё остаётся недобитый враг, предатели и их пособники. Для их поиска, ликвидации или ареста нам необходимы офицеры с боевым опытом. У меня есть предписание отобрать определённое количество офицеров. Будут учитываться рекомендации непосредственных командиров, личное желание и согласие. Нам люди, работающие из-под палки, не нужны. Хотя у нас есть возможности заставить, но моё мнение такое. Нужны люди, осознанно идущие в нашу структуру. Не скрою, работа крайне опасная, но этим вас не напугать. Мы уже по пути поговорили с вашим командиром. Он назвал несколько фамилий. Но прежде я хотел бы лично поговорить с каждым из вас.

Виктор вместе с остальными офицерами вышел из блиндажа. Настроение у всех было паршивое. Похоже, никто не хотел менять боевую работу фронтового разведчика на деятельность сотрудника НКВД в тылу. Во всяком случае, так думал Кошелев. Но оказалось, что он ошибся. Хотя он полагал, что его вообще не пригласят на беседу, учитывая отсутствие боевого опыта, но когда все офицеры побывали по одному в блиндаже, послышался возглас:

– Лейтенант Кошелев! Прошу!

Виктор зашёл внутрь. Майор держал в одной руке бумаги, в другой – дымящуюся папиросу.

– Присаживайтесь, Кошелев Виктор Николаевич. Расскажите мне, каким образом вы после пребывания в штрафной роте стали офицером и попали в войсковую разведку? В моей практике подобное впервые... Что-то сомнительно.

– Я полностью реабилитирован, товарищ майор. После госпиталя я завершил обучение в военном училище и по рекомендации экзаменационной комиссии получил назначение сюда. Все документы находятся в штабе дивизии, можете проверить.

– Я уже смотрел ваши документы, товарищ лейтенант. Для этого мне ваше разрешение не нужно. Кроме того, я отправил запросы в училище и штрафную роту. Мы с вами, возможно, ещё встретимся. А пока можете быть свободны.

Виктор молча вышел из блиндажа и подошёл к группе офицеров, весело переговаривающихся между собой. Неопределённость для них закончилась. Выяснилось, что командир первого взвода, старший лейтенант Синицын, дал согласие перейти в структуру НКВД. Более того, его рекомендовал сам ротный. Прощание с Синицыным было коротким. Обнялся с каждым офицером, попрощался со своим взводом, забрал личные вещи у старшины и уехал с майором. Капитан дал команду личному составу готовиться к передислокации. Штаб дивизии пере-

местился, и разведроты был указан район для переезда. Скорее для перехода – транспорта не предусматривалось: пойдут пешком. Но ушлый старшина, фактически первый помощник командира роты, всё же нашёл транспорт для своего имущества и тяжёлого вооружения роты. Так что бойцы пойдут налегке. Не придётся тащить на себе ротные пятидесятимиллиметровые миномёты, ручные пулемёты и противотанковые ружья. На этом же транспорте уехал и личный состав санитарного отделения, оставив в роте одного санинструктора.

## Глава 6. Поединок

Разведрота разместилась в очень удобном месте, северо-западнее Армянска. Ощущалась близость моря – с запада дул тёплый солёный ветер, перебивая запах гари выжженной степи. В практически разрушенный посёлок не было смысла соваться – там ещё шли бои с ожесточённо сопротивляющимся врагом. А у разведки своя работа, свои задачи – добыть достоверные сведения о противнике, его группировке, численности, состоянии, расположении, вооружении и намерениях...

Да, рота занималась своими задачами, но к этой работе Кошелева не допускали. Почти каждый день уходили группы на задания – командованию требовалась свежая информация. А кто же её добудет, как не разведка. Уже неделю Виктор маялся в неизвестности. Конечно, без дела не сидел – занимался со своим взводом, но больше на боевых выходах не бывал. Даже сам капитан Лысенко не раз ходил за языком, а про лейтенанта как будто забыл. Не раз и не два Виктор подходил к командиру роты, но у того был один ответ: «Ещё не время!»

Однажды ротный почтальон принёс письмо. Удивленный этому сообщению лейтенант – писать было некому – взял из рук письмоносца аккуратно запечатанный конверт. Письмо было от Вали. От Вали Шишкинской, училищной медсестры.

*«Салют, боец! Ой, извините, товарищ лейтенант! С пламенным комсомольским приветом из родного вам училища младший сержант Шишкинская! Я, как только узнала вашу полевую почту, села писать письмо. Как обещала. Как ваши дела? Хорошо ли вас там приняли? Как воеете? Как бьёте фашистскую гадину? Мы с вами виделись всего ничего, а как уехали, будто что-то оторвалось внутри, стало грустно. Вы так молоды, а столько пришлось пережить. А всё из-за меня. Я так чувствую себя виноватой. Если бы знала тогда, что вас отдадут под трибунал из-за ревности лейтенанта Семёнова, то сама бы пошла рассказать про этого неприятного человека. Он очень плохой человек. Виктор! Я тоже решила уйти на фронт. Написала рапорт. Мама моя против, конечно. Но я твёрдо решила. Сейчас прохожу подготовку в качестве радиста, помимо своей медицинской специальности. Может, меня тоже направят в разведку?! Хорошо было бы попасть к вам!»*

Дальше Валя писала про Москву, про училище. О том, что стало тихо и спокойно – бомбёжки прекратились. Будто и нет войны. А заканчивалось письмо такими словами: *«До свидания, Виктор! Я пишу „до свидания“, потому что надеюсь на встречу. Возможно, увидимся, когда мы наконец раздавим фашистскую нечисть! А вы берегите себя! И простите за моё нескромное письмо. Валя»*. Виктор с волнением перечитал послание ещё раз. Перед его глазами стоял образ девушки в белом халате в проёме окна медпункта. Вот бывает же так – раньше и знать не знал, что это за медсестра, причём даже имел отрицательное суждение о ней, но лишь одна встреча, один лишь взгляд, одно прикосновение переменили всё. Когда Виктор вспоминал о ней, а вспоминал он почти каждый день, то думал об их последней встрече. Как она смотрела на него, что говорила, как порывисто коснулась его руки...

– Товарищ гвардии лейтенант, – голос бойца отвлек его от мечтательных раздумий. – Вас ротный требует к себе.

«Неужели и обо мне вспомнили?» – подумал Кошелев.

Он быстренько привёл себя в порядок и отправился к командиру роты.

– Настало время устроить вам проверку, Кошелев, – сказал Лысенко, когда лейтенант доложил о своём прибытии. – Через это проходят все офицеры, поступившие в мою роту. Я изучил ваше личное дело, понаблюдал в бою, присмотрелся со стороны в повседневной жизни. А теперь перейдём к непосредственной проверке ваших личных качеств – физических и внут-

ренных. Начнём с короткого спарринга, как говорят англичане. Я знаю, что вы занимались боксом. Прошу!

Они с капитаном вышли на площадку, окружённую бойцами. Для личного состава роты это было обычное явление, поэтому лица были серьёзны. Никто не ждал театрального представления – это лишь очередной урок. Офицеры Лысенко и Кошелев сняли головные уборы и портупей. Приняли боевую стойку. Если Виктор стоял в классической боксёрской стойке (левая нога впереди, левая рука, согнутая в локте, вынесена вперёд; правая нога на шаг сзади и полшага вправо, правый кулак прикрывает подбородок), то капитан стоял в обычной стойке с опущенными руками. Но был весь какой-то собранный, напряженный, и в то же время создавалось впечатление, что человек стоит расслабленно и не представляет опасности. Виктор пошёл в атаку, нанося короткие прямые удары левой, и... тут же оказался на земле. Сидя прислушался к своим ощущениям: нигде ничего не болит, но как он очутился на спине?

Кошелев вскочил на ноги, снова бросился в атаку. На этот раз получил ощутимый удар в грудь, да такой, будто врезался в бетонный столб. У него перехватило дыхание. Теперь он стал осторожничать: сбавил темп, нанося обманные удары, начал кружить вокруг партнёра. Один раз даже достал правым хуком, так ему показалось, но удар пришёлся в пустоту. Виктор разозлился. Как это так? Он, неоднократный чемпион училища, не может даже одного удара нанести. Начал комбинировать удары, наносил сериями, но все движения или проваливались в пустоту, или их блокировал капитан. Наконец, ротный в стремительном броске опрокинул Кошелева на спину и зафиксировал того болевым приёмом. Виктор попытался вырваться из цепких рук и ног капитана, но безрезультатно, лишь себе причинил боль.

– Всё! – сказал капитан. – Встаём! Достаточно...

Они поднялись. Виктор – морщась и потирая плечо в месте старого ранения, а капитан – без всяких эмоций, лишь на мгновение показав на лице подобие улыбки.

– Неплохо, – сказал он, обращаясь к Кошелеву; затем повернулся к бойцам и продолжил: – Все уяснили, как необходимо действовать, когда на вашем пути встречается противник с боксёрским опытом? Лейтенант Кошелев имеет довольно приличную подготовку, но он действовал, как на ринге, поэтому проиграл. Но поле боя – это не ринг!

Среди бойцов послышались нестройные одобрительные возгласы.

– Имея такие навыки, как у вас, товарищ гвардии лейтенант, при правильном их применении можно стать хорошим бойцом... Но умение хорошо драться – не самое главное в нашем деле, хотя и немаловажное. Обезоружить, оглушить, обездвижить – это одно. Но ещё нужно уметь скрытно передвигаться, не обнаруживая себя, найти нужный объект. И каждое сказанное мною слово можно разбить на составляющие: как искать, как двигаться, как обезоружить, как оглушить и связать, как заставить двигаться захваченного в плен и многое другое. Всему этому мы будем учиться. И я с вами: повторение – мать учения. Ваши физические данные на очень неплохом уровне. Будем заниматься!

С этого дня началась интенсивная индивидуальная подготовка лейтенанта. В этом помогали все: и офицеры роты, и бойцы. Со временем выяснилась причина задержки в проверке и подготовке Кошелева. Оказалось, что ждали подтверждения данных на Виктора по запросу, отправленному майором НКВД. И вот теперь стало можно заниматься без оглядки на возможное свёртывание тренировок и учений. Изменилось и отношение подчинённых к лейтенанту. Если раньше было настороженное, то теперь более открытое, своё. Частенько некоторые премудрости подсказывали или показывали опытные бойцы. Но наиболее ценные знания Виктор получал от самого капитана. Лысенко был кладом необходимых для разведчика знаний. Его беседы во время вечерних разборок-посиделок превращались в целые лекции. «Вот бы нам такого преподавателя на период учёбы в училище», – думал в это время Кошелев.

– Разведка, добывая сведения о противнике, проявляется одним из важнейших видов боевого обеспечения, – говорил Лысенко. – Она направлена на предотвращение внезапного

нападения противника или снижение эффективности его ударов, если нападение произошло. Также для создания благоприятных условий для организованного, своевременного вступления и успешного проведения боя. Своевременность и оперативность, целеустремлённость и непрерывность, активность и скрытность, достоверность и точность разведанных – вот основные требования, предъявляемые к разведке. А наблюдение, подслушивание, поиск, налёт, засада, разведка боем – являются основными способами ведения войсковой разведки.

Удивительного ума и прозорливости был капитан. Слушая его рассуждения на разные темы, проникнутые житейской мудростью, можно было подумать, что перед тобой сидит убеждённый сединами старик, настолько были глубоки его познания в военном деле и человеческой психологии.

– Разведчик должен в первую очередь иметь отменную психологическую устойчивость. Важно, чтобы в ответственный момент не запаниковал... В большинстве случаев погибают неопытные, потому что они раньше бросаются в панику. Таких первыми замечает противник и берёт на прицел. И ещё – нужно привыкнуть к мысли, что в любой момент тебя могут убить. Осознать и свыкнуться с этим. Если ты думаешь, как бы выжить, ты уже ненадёжен. Мы на войне. Ты обязан победить свой страх. Зачем бояться того, чего не случилось, а только может случиться?!

Учил концентрироваться на тех вещах, на которые сам можешь повлиять. На бойцов, особенно во время боевых выходов на задания, ложится огромная психологическая и физическая нагрузка. Поэтому необходимо учиться успокаивать ум, останавливая поток непродуктивных, катастрофических образов. Наиболее действенным способом является медитация. Теперь Виктор понял, чем занимались бойцы, сидя в кругу, в первый день его прибытия в роту. Медитируя перед боевыми выходами, боец освобождает свой ум от лишних мыслей, концентрируясь лишь на выполнении задания.

– Самым быстрым и действенным способом успокоиться в критической ситуации является дыхание. Для этого используется два варианта дыхания в зависимости от обстановки или оба варианта вместе. Первый вариант: глубокое размеренное дыхание животом. На четыре счёта вдох, на четыре – выдох. Второй вариант: охлаждающее дыхание. Для этого нужно язык скрутить в трубочку и вдыхать через язык. А выдыхать через нос. Делать это нужно спокойно, не торопясь, медленно – в течение нескольких минут. Потренируйтесь! На сегодня всё. Завтра затронем тему правильного сна и отдыха, а также способы преодоления боли.

Вечером Виктор сел писать ответное письмо Вале Шишкинской. Оно получилось коротким и немногословным – Кошелев не любил писать письма.

*«Здравствуйте, Валентина! Очень был рад, когда получил от вас письмо. Весьма неожиданно и приятно. Я думал, что вы уже забыли про меня. Мы сейчас дислоцируемся в Крыму. Фашисты заперты на полуострове. Хотя гитлеровская гадина отчаянно сопротивляется, но мы скоро изгоним её отсюда. Валя! Я тоже, как и ваша мама, не поддерживаю ваше решение идти на фронт. Не женское это дело – воевать. У вас есть прекрасная специальность. Прекрасная работа. Вы там тоже нужны. Сейчас уже не сорок первый год – Красная Армия наступает по всем фронтам. Берегите себя! Я тоже пишу „до свидания“! Виктор».*

Виктор запечатал письмо, написал адрес и задумался. В памяти народной навечно останется образ советской женщины – труженицы, матери, жены и вдовы солдатской. Не найти профессии, которой не смогли бы овладеть женщины. Не было видов деятельности, с которыми не смогли бы справиться они. Тяжёлой ношей легла на плечи хрупких женщин эта война. Одно дело – воевать и знать, за что воюешь и с кем воюешь. Другое дело – постоянно находиться в ожидании, в неведении. Каждый день ждать писем с фронта. А что принесёт почтальон: то ли радостную весточку, то ли похоронку?!

Вот и задумался Виктор: а правильно ли он сделал, что отсоветовал Валентине уходить на фронт?! Сотни тысяч женщин стали лётчицами, зенитчицами, танкистами, пулемётчицами, снайперами, разведчицами, связистками и медсёстрами. Валя – девушка бойкая, решительная. Не в её характере проявлять малодушие. Тем не менее Виктор не стал переписывать письмо. Пусть прочтает и узнает мнение человека, ставшего ей близким с некоторых пор.

## Глава 7. Разведвыход

После традиционного ужина у командира роты офицеры вышли на перекур. Сегодня Виктор заметил, что многие рядом с ним многозначительно помалкивали. Кошелев не понимал, что происходит. Ситуацию разрешил ротный. Он вышел к ним, как обычно, стремительной походкой.

– Так, лейтенант Кошелев, готовьтесь сегодня ночью на задание, – обрадовал он своим приказом. – Вы уже достаточно подготовлены. Думаю, что пора испытать себя на боевом выходе. Пойдёте со мной. Сегодня идём двумя группами разведчиков. Первой командую я, а второй – старший лейтенант Дроздов. Прошу к столу, достать рабочие карты.

Офицеры разведроты сосредоточенно склонились над столом, ожидая постановки задачи. Разведывательная рота – это глаза и уши дивизии. Постановка боевой задачи и её выполнение всегда требуют своевременного изучения местности. Там, где разведчики пренебрегают этим, никогда не удастся выполнить задание. Кроме того, разведка территории должна вестись не вообще, а конкретно – для выполнения определённых задач. Поэтому командир роты всегда начинал с изучения района разведки на карте, затем непосредственно на местности.

– Командир дивизии поставил задачу провести поиск и взять языка вот в этом районе.

Ротный показывал, а офицеры помечали на своих рабочих картах.

– Ситуация осложняется тем, что в этом районе у немцев вся линия фронта состоит из системы сплошных траншей, усиленных инженерными заграждениями и минными полями. Поэтому мною принято решение идти двумя группами. Мы идём через эту балку к минным полям. При этом подгруппа разминирования лейтенанта Кошелева готовит проходы. Затем идём на непосредственный поиск и захват языка. В дальнейшем, в случае обнаружения противником, ваши бойцы, товарищ Кошелев, прикрывают наш отход. Таким образом, у вас будут две задачи: разминирование и прикрытие.

– Разрешите вопрос, товарищ гвардии капитан? – спросил Виктор.

Когда капитан кивнул, Кошелев продолжил:

– Для преодоления минного поля нужны сапёры. Будут ли они нам приданы?

– Вопрос правильный и своевременный. Да, два сапёра пойдут в вашей подгруппе. Остальных подберёте из состава своего взвода. Четыре человека – один снайпер, пулемётчик и два автоматчика. Ещё есть вопросы?

– Вопросов нет, товарищ гвардии капитан!

– В таком случае вы свободны! Идите, готовьте свою подгруппу. Отдыхайте. Выход в три утра.

Капитан повернулся к командиру второй группы Дроздову.

– Вам предстоит другой путь. Необходимо пройти по мелководью Перекопского залива вот в этом направлении. Обойти с фланга. Там нет минных полей, инженерных заграждений. Но путь неблизкий. Посему ваша группа должна выйти раньше. В районе часа ночи. Как раз до рассвета доберётесь. Действовать самостоятельно – осуществить поиск и захват языка.

– Ясно, командир! Сделаем!

– По готовности перед выходом группу представите мне лично!

– Есть!

– Если вопросов нет, все свободны, товарищи офицеры!

Виктор отобрал для выполнения задания четверых бойцов. Как и приказывал ротный, один из них был снайпер с самозарядной винтовкой Токарева, другой – пулемётчик с ручным пулемётом Дегтярёва. А автоматчиков подобрал знающих сапёрное дело. Примерно через час прибыли два приданных сапёра.

– Какая наша задача? – спросил сапёр с сержантскими лычками. – Работа тихая или шуметь будем? Если шуметь, то надо тащить взрывчатку...

– Нет, шуметь, надеюсь, не придётся, – сказал Кошелев. – На нас возложены две задачи. Первая – сделать проход в минном поле и в колючке. Вторая – прикрывать отход основной группы с захваченным языком.

– Понятно. Значит, шуметь всё же придётся. Иначе сами не уйдём, если группу обнаружат и нам придётся прикрывать отход.

Виктору был уже известен принцип трех «о» – обнаружен, обстрелян, отхожу. По негласному закону разведчиков, это считается неудачей, вне зависимости от того, взят язык или нет. Поэтому он счёл нужным предупредить сапёров:

– Никакой самодеятельности без приказа командира группы, товарищи бойцы! Всё должно пройти тихо. Задача наша лишь проконтролировать отход подгруппы с языком. Только в случае их обнаружения прикрывать своим огнём.

Кошелев для подстраховки приказал снайперу взять с собой прибор для бесшумной стрельбы «Брамит», а пулемётчику – СГ ДП. Оба прибора были в оснащении разведроты. Глушитель «Брамит» был первым советским серийным прибором для бесшумной стрельбы, разработанным братьями Митиными еще в 1930 году. Эти глушители успешно использовались партизанами, частями НКВД, диверсионными и разведывательными подразделениями. На основе «Брамита» был создан специальный глушитель для пулемёта Дегтярёва – СГ ДП. Он был настолько удачен, что при стрельбе издавал только лязг механических движений пулемёта, и то на близком расстоянии. Устанавливался глушитель вместо штатного пламегасителя. Кошелев ещё с училища помнил, что у немцев таких приборов не было, поэтому они приняли на вооружение трофейные стрелковые комплексы «Брамит», такие как Schalldampfer 254. Собственные разработки немцы начали внедрять с 1943 года, германская фирма Schneider-Opel скопировала советский глушитель для бесшумной стрельбы для использования с 7,92-миллиметровыми автоматами MP-43, однако до массового производства дело не дошло.

В установленное время группа разведчиков во главе с капитаном Лысенко, облачённая в маскировочные одежды, ушла в темноту крымской ночи. Лишь звёзды на небе, мерцающие тысячами огней, указывали путь бойцам, идущим на опасное задание. Несмотря на двухнедельную интенсивную подготовку, лейтенант Кошелев испытывал некоторое волнение. Нет, это был не страх, а волнение Воина. Волнение, нагнетающее адреналин в кровь бойца. Нечто подобное он чувствовал, выходя на боксёрский ринг. Примерно за сто метров до минного поля капитан Лысенко приказал остановиться.

– Давай, Кошелев, твой выход. Мы подстрахуем вас здесь. Ждём сигнала.

– Есть!

Ночное небо то и дело вспыхивало осветительными ракетами немцев. Периодически постреливал пулемёт. Вряд ли они кого-то обнаружили – это для отпугивания или самоуспокоения. Подгруппа лейтенанта Кошелева по-пластунски приближалась к минному полю. Впереди два сапёра, за ними автоматчики с сапёрной подготовкой и Виктор. Оставив пулемётчика со снайпером у кромки минного поля, подгруппа продолжила медленное движение в сторону немецких траншей. Вдруг сапёр, ползущий впереди Кошелева, остановился. Это он заметил знак сержанта. В свою очередь показал знаком лейтенанту не двигаться и подполз к сержанту. О чём-то посовещались шёпотом. Сапёр вернулся к лейтенанту и сказал тихо:

– Вот что, лейтенант! Ты давай возвращайся к своим, а мы тут сами управимся!

– Что такое? В чём дело? Там же ещё колючка впереди – вы одни не справитесь.

– Нет, товарищ лейтенант! Тут полоса смешанного минного поля. Противопехотные и противотанковые. Причём сержант заметил, что противопехотные мины связаны друг с другом проволокой. Рванёт одна мина – взорвётся всё минное поле. Так что вы отходите на безопасное расстояние, а мы затем вас позовём.

Что делать, пришлось Виктору с автоматчиками ползти обратно к пулемётчику со снайпером. Объяснил ситуацию. Они все, кроме снайпера, спустились в небольшую воронку. Снайпер, укрывшись за кочкой, остался прикрывать сапёров. Его винтовка была предусмотрительно оснащена «Брамитом». Потянулись томительные минуты ожидания. Вот опять вспыхнула осветительная ракета, ярко озаряя всё пространство.

– Командир! – окликнул Виктора снайпер. – Вижу движение в окопах немцев. Могу снять.

– Отставить! Пока подгруппа ротного не возьмёт языка, никакой стрельбы, боец! Что там? Видны сапёры?

– Нет, залегли пока...

– Наблюдай!

– Есть!

Виктор подумал, что хуже нет, чем ждать, а каково ротному? Наверное, нервничает...

– Командир, вижу сигнал!

– Ну и ладненько! – обрадовался Кошелев. – Мы пошли. Вперёд!

Пулемётчик выставил ствол на край воронки, а Виктор с автоматчиками поползли, ориентируясь на метки, оставленные сапёрами. Они уже были почти у самых траншей. Мешали лишь два ряда колючей проволоки. Кошелев вместе с бойцами резал проволоку, проделывая проход, где могли бы свободно проползти два человека. Это на случай, если языка придётся тащить на себе. Ситуация осложнялась тем, что к «колючке» то там, то тут были привязаны пустые консервные банки и бутылки. Приходилось работать осторожно, чтобы не привлекать внимание врага.

Наконец вся работа была сделана. Кошелев, отвернувшись от линии траншей и прикрыв фонарик корпусом, просигналил: «Можно подходить». Когда подползла подгруппа во главе с ротным, Кошелев молча переглянулся с ним. Несмотря на темноту, он заметил одобрителный кивок Лысенко за отлично проделанную работу. Вроде не нервничал – был спокоен и сосредоточен. Сапёры попридержали колючую проволоку, пока его подгруппа переползала на сторону траншей. После этого Кошелев сказал шёпотом сержанту:

– Вы свою работу пока сделали. Идите к пулемётчику. При необходимости будьте готовы прикрыть всю группу. Мы остаёмся здесь.

– Понятно, – сказал сержант. – Уходим.

Кошелев остался с автоматчиками. Они разместились по сторонам проделанного в «колючке» прохода в готовности помочь подгруппе, ушедшей за языком. Опять состояние ожидания. По Виктору, так лучше находиться в поиске и движении, чем в томительном бездействии. Но разведчики должны уметь ждать. Иной раз им приходится это делать часами, когда находятся в засаде, пока не появится враг. Виктор, чтобы унять напряжение, сосредоточился на дыхании, как учил ротный: вдох-выдох, вдох-выдох, вдох-выдох...

Постепенно напряжение отпустило, и Виктор весь превратился в слух. Видеть он дальше пяти-шести метров не мог, поэтому стал прислушиваться к ночи. Сначала шевеление и шуршание лежащих рядом бойцов: вот кто-то из них перелёг на другой бок, другой вытянул согнутую ногу; покатился и остановился камешек, стукнувшись о сапог. Затем присоединились звуки, раздающиеся со стороны траншей: окрики и отзвуки часовых, отрывистая немецкая речь, опять тишина, топот ног, какой-то скребущий по земле звук... Додумать не успел.

– Кошелев! – услышал он громкий шёпот со стороны траншей. – Принимай «языка»!

Виктор приблизился к проходу в «колючке». Оттуда пропихивали связанного немецкого офицера, мычащего из-за кляпа во рту. Кошелев вместе с одним из своих автоматчиков перехватил офицера за воротник и рывком перетащил на свою сторону. Показалась голова ротного.

– Уходите! Это приказ! – сказал капитан.

– А вы, товарищ гвардии капитан?

– Мы остаёмся! Надо вернуться за бойцами! Двоих ранил ножом! Матёрый оказался, сволочь! В общем, вы уходите с языком! Оставьте своё прикрытие!

– Есть! Останутся пулемётчик со снайпером и два сапёра. Они заминируют пути отхода.

– Всё! Уходите, Кошелев! Главное, доставить языка! И осторожнее с ним – подготовленный фриц.

– Принято! Удачи, командир!

Но капитан уже не слышал последних слов Виктора – исчез так же бесшумно, как и появился.

Бойцы Кошелева подхватили пленного с двух сторон и потащили через проход по минному полю в сторону оставшихся бойцов. А чтобы немец особо не сопротивлялся, сзади полз Виктор с оголённым ножом. После пары уколов «язык» не просто перестал сопротивляться, но и помогал, отталкиваясь ногами от земли. Добравшись до подгруппы прикрывающего, немного передохнули. Немецкий офицер крутил глазами и мычал, пытаясь что-то сказать, но лейтенант не повёлся на эти уловки и, ткнув его кулаком под бок, заставил успокоиться. Фриц обиженно отвернулся. Вскоре все почувствовали отчётливый запах мочи. Ах, вот в чём дело... Но ничего, лишь бы не обгадился. Кошелев, помня о раненых им бойцах, добавил ещё один удар кулаком и приказал шёпотом:

– Всё, ребята, потащили фрица! И как можно быстрее!

Перед тем как двинуться за бойцами, лейтенант оглянулся назад и прислушался к ночи – тихо. И это радует. Даже немецкий пулемётчик перестал стрелять. Лишь осветительные ракеты периодически взлетали, освещая недобрую для немцев ночь.

То, что эта ночь для противника оказалась на самом деле недоброй, и не только по причине захвата «языка», Виктор узнал уже в расположении роты, куда вернулся, благополучно сдав захваченного немецкого офицера в штаб дивизии. Кстати, пленный офицер дал ценные показания, которые помогли в дальнейшем наступлении. Группа старшего лейтенанта Дроздова тоже выполнила задание. Их «живой трофей» подтвердил показания офицера. Кошелев со своими бойцами вернулся в расположение роты уже к утру. Командир роты тоже вернулся со всей группой с задания, за исключением раненых бойцов, доставленных в медсанбат.

Оказалось, что бойцы нарвались на немецкого офицера в блиндаже. Они работали всегда в паре. Шли впереди ротного. Заметив огонёк в блиндаже, решили заглянуть. Показав ротному жестом на погоны – мол, там офицер, одновременно проникли в укрытие. Но немец оказался не робкого десятка. Заметив за спиной движение, он схватил со стола нож, которым, похоже, владел профессионально, быстро развернулся, двумя точными движениями ранил наших бойцов. На большее у него не хватило времени. В блиндаж ворвался ротный. Отбив ногой выставленный нож, вторым ударом ноги с разворота опрокинул немца на пол блиндажа, добавил кулаком в висок. Но расчётливо – лишь оглушил. Засунул кляп, связал руки и только после этого повернулся к своим бойцам. Один держался за бок, полулёжа на полу. Второй боец стоял на одном колене – бинтовался. У него были подрезаны сухожилия под коленом. И тот, и другой не могли самостоятельно передвигаться. Ротный, подзвав остальных бойцов в блиндаж, приказал одному оставаться с ранеными, а сам с двумя другими понёс «языка» – передавать Кошелеву. Вернувшись в блиндаж, вчетвером унесли раненых товарищей. Траншеи у немцев были просторные, и это позволило быстро доставить к проходу в «колючке» и пленного, и раненых. До случая с захватом офицера бойцы заглянули и в немецкий дот. Там обнаружили двух солдат – одного спящего, второго бодрствующего, который постреливал периодически из пулемёта. Обоих сняли ножами, а пулемёт разобрали, затвор унесли с собой и выкинули по дороге.

Когда ротный со своими бойцами миновал подгруппу прикрывающего, к работе снова приступили сапёры. Воспользовавшись тем, что минное поле было подготовлено немцами для одновременного подрыва, дождались, когда разведчики уйдут на безопасное расстояние, и осуществили задуманное противником. Только не в пользу немцев. Сотни мин, сработавших одно-

временно, разорвали ночную крымскую тишину. Когда противник опомнился, сапёры были уже недосягаемо далеко.

## Глава 8. Ужин отдай врагу

Ветер со стороны моря задул перед самым восходом. Это был отвратительный упорный западный ветер, нагнавший дождевые облака. По всем приметам небо заволокло тучами надолго. Жёсткие холодные капли вкупе с сильным ветром создали водную пелену – такую плотную, что казалось, сквозь неё не пройти. Палатку, где находился Виктор с подчинёнными, трепало так, что оторвало одну из верёвок, привязанных к кольям. Пришлось двум бойцам, накинув плащ-палатки, выскочить наружу, чтобы разобраться с упрямой верёвкой. Вернулись промокшие до нитки. Да, не позавидуешь ребятам, кто стоит в дозоре или в карауле. А дождь лил не переставая, словно хотел низвергнуть всю воду Чёрного моря на полуостров. Брезентовая палатка, промокнув, стал пропускать влагу внутрь в повреждённых местах. Капли противно и раздражающе долбили в подставленные котелки:

– Кап... кап... кап... – словно в унисон завыванию ветра и барабанной дробы дождя по палатке отбивали сумасшедший ритм стихии.

Бойцы, воспользовавшись вынужденной передышкой, занимались личными делами: кто писал письма домой, кто приводил в порядок гимнастёрку, а кто просто отсыпался. Лейтенант Кошелев тоже достал тетрадку из планшета, вырвал чистый лист и приготовился написать письмо. Единственным человеком, кому он хотел сообщить о себе, была Валя Шишкинская. Отец Виктора не дожил до того дня, когда сын стал офицером, – умер перед самым началом войны, а мать свою Кошелев помнил смутно. Она умерла, когда Витя был совсем маленьким. Отец не стал жениться повторно, целиком посвятив себя воспитанию сына. Это по его настоятельному совету Виктор поступил в военное училище.

– Взвод, встать! Смирно!

Громкий голос дневального вывел лейтенанта из раздумий и заставил вскочить при виде командира роты. Капитан Лысенко, появившись внезапно из-за пелены дождя, зашёл в палатку второго взвода.

– Товарищ капитан, третий взвод занимается согласно распорядку дня! – доложил лейтенант Кошелев.

– Вольно! Занимайтесь...

– Вольно!

Лысенко скинул плащ-палатку и присел на скамейку.

– Присаживайтесь, лейтенант!

Виктор понял, что комроты пришёл не зря, и приготовился слушать.

– В общем, Виктор Николаевич, готовьте группу на выход. Сегодня ночью надо сходить за речку и привести «языка».

– Ясно, командир! Сделаем! Лишь бы дождь прекратился...

– Задачу надо выполнить, несмотря на непогоду, товарищ лейтенант!

– Есть, товарищ капитан! Выполним! Это я так, к слову...

– Вот именно! Разведгруппа первого взвода вернулась ни с чем, да ещё потеряли одного бойца – попали под пулемётный обстрел. Так что противник бдит, невзирая на сильный дождь. Поэтому требую максимума внимательности. А пока отбирайте бойцов и отсыпайтесь. Времени достаточно... На разведвыход возьмите не менее десяти бойцов.

– Есть, товарищ командир! Не подведём!

Командир роты ушёл, и бойцы лейтенанта Кошелева занялись привычным для выхода делом. Проверяли и чистили оружие, пополняли боеприпасы, достали из мешков и развесили маскировочное обмундирование «чучело».

Длинный дождливый день подходил к концу, и, на счастье Виктора, ветер утих настолько, что уже позволял беспрепятственно передвигаться по местности. Задача, поставленная коман-

диру взвода разведки Кошелеву, была не из простых. Бои в это время велись в сложных условиях горно-лесистой местности. Во-первых, надо подойти скрытно к отвесному берегу, во-вторых, суметь спуститься по нему, в-третьих, перебраться через бурную горную речку... Да и погода не баловала – постоянно шёл дождь. Но когда разведгруппа вышла из расположения роты, дождь внезапно прекратился. «Хоть это радует», – подумал Виктор.

К речке спустились по канату. И это в кромешной темноте, только изредка освещаемой ракетами противника на том берегу. Под ногами шумела стремительная река. О том, чтобы с ходу переплыть речку с ледяной водой, не было и речи. Хотя глубина по пояс, но течение сильное. Нужен доброволец, способный перейти речку. В этом случае можно будет переправиться всей группе, держась за канат, натянутый между двумя берегами.

– Добровольцы есть? – спросил лейтенант.

Бойцы молчали, опасливо поглядывая на бурный поток. Тогда командир взвода сам решил переплыть его, чтобы протянуть на тот берег канат. Виктор снял одежду, обвязался канатом и вошёл в воду. Миллионы ледяных иголок вонзились в тело, тяжёлая вода сбивала с ног и пыталась унести смельчака. Но разведчики снова и снова вытягивали командира из плена волн. Вот, наконец, лейтенант достиг противоположного берега. Дрожа всем телом, добрался до ближайшего дерева и привязал канат. Затем, пока бойцы перебирались вдоль каната, бегал, согреваясь, по берегу челноком, в ожидании узелка с обмундированием.

В конце концов разведчики перебрались на вражескую территорию в полном составе. Командир быстро оделся и повёл бойцов в сторону немецкой передовой. Она находилась недалеко, почти вплотную к лесу. Двигаясь вдоль речки, дошли до опушки, углубились в чашу и тут же наткнулись на горящий костерок, невидимый со стороны берега. Около костра обнаружили складной стол, заставленный снедью, а рядом – небольшую палатку. Не ожидали бойцы такой удачи! Было решено сделать засаду прямо здесь – судя по накрытому столу, хозяева ушли ненадолго. Так и есть – громко переговариваясь, к палатке приближались два пьяных немецких офицера. Вот они, остановившись в метрах десяти за кустом, стали бурно обсуждать какую-то проблему. Тем временем один из разведчиков, пользуясь темнотой, близко подобрался к палатке и снял сумку, висящую на суку.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.